

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

И

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПОХОДА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Хивинское ханство еще въ началѣ XVII-го столѣтія обращало на себя вниманіе русскихъ, потому что его географическое положеніе, въ низовьяхъ важнѣйшей водной артеріи, всегда представляло вопросъ огромной важности въ отношеніи водяного пути по Аму-Дарьѣ и зависимости отъ этого пути всѣхъ нашихъ какъ торговыхъ, такъ политическихъ и административныхъ дѣйствій относительно всей Средней Азіи. Хотя топографія мѣстности не составляетъ нашего предмета, но чтобы читателю удобнѣе было слѣдить по картѣ за движеніями войскъ и видѣть то географическое положеніе, которое занимаетъ Хива въ политическомъ отношеніи къ землямъ, занимаемымъ подданными намъ киргизами, остановлюсь на бѣгломъ описаніи мѣстности, прилегающей къ хивинскимъ владѣніямъ, или, вѣрнѣе сказать, составляющей наши окраины. Оффиціально окраинами своими мы считаемъ: съ сѣвера—Мангишлакъ, съ степями киргизовъ оренбургскаго вѣдомства; съ востока—Аму-Дарью, съ хивинскими и бухарскими владѣніями, и съ юга—Альбуразскія горы, съ Черною рѣчкою, впа-

дающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туременію отъ Астрабадской области Персіи; собственно же оренбургское вѣдомство, съ отдѣленіемъ отъ него, въ 1870 году, Мангишлака, считаетъ своей пограничною чертою, впрочемъ весьма фиктивной, линію, идущую отъ Мертваго-Култука по сѣверной окраинѣ Усть-Урта¹⁾ къ Аральскому морю. Къ пограничной чертѣ этой примыкають уѣзды Гурьевскій, Эмбенскій и южная сторона Иргизскаго. До 1869 года, несмотря на столѣтнее владѣніе этими мѣстами и всею за-уральскою степью, мы не знали ни разстояній, ни даже отдѣльныхъ пунктовъ всей этой мѣстности, и только съ этого года, сначала по случаю возмущенія киргизовъ, при введеніи у нихъ новаго положенія, а затѣмъ для водворенія спокойствія въ степи и огражденія отъ часто повторявшихся въ это время набѣговъ мелкихъ шаякъ на орско-казалинскій трактъ,—набѣговъ, которые состояли преимущественно изъ бѣглыхъ нашихъ киргизовъ, откочевавшихъ въ Хиву, и, при участіи самихъ хивинцевъ, вторгавшихся на этотъ трактъ чрезъ Усть-Уртъ, Самъ и Мынь-Су-Алмазъ на Эмбу, или чрезъ Каратамакъ, Барсуки и Мугоджарскія горы, оренбургское начальство вынуждено было принять самыя энергическія мѣры и, кромѣ постройки въ періодъ этого времени трехъ укрѣпленій, Уильскаго, Эмбенскаго и Нижне-эмбенскаго, высылать ежегодно самостоятельные отряды, которые преимущественно занимали важнѣйшіе стратегическіе пункты по линіи отъ Нижне-эмбенскаго укрѣпленія въ низовьяхъ Эмбы, близъ оз. Маспе, вверхъ по рѣкѣ Эмбѣ, чрезъ Эмбенскій постъ, Чупкакуль и Джебыске къ Каратамаку, поддерживая между собой непрерывную связь посылкою постоянныхъ разъѣздовъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ (конный) еще въ 1870 году, съ цѣлію изслѣдовать пути, ведущіе чрезъ Усть-Уртъ, перешелъ, имѣя при себѣ даже орудіе, на сѣверный чинкъ (чинкомъ киргизы называютъ обрывистый берегъ, которымъ со всѣхъ сторонъ очерчивается плоская возвышенность Усть-Урта). Достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной высоты, чинкъ спускается къ отлогой, низменной степи такими крутыми террасами, загроможденными утесами и каменными глыбами, что доступъ на него дѣлается возможнымъ только по тремъ извѣстнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Эмбы: первая чрезъ уроч. Учъ-канъ, лѣвѣе горы Джазлы, вторая между Джилдинскими горами на Ичекакарганъ и далѣе къ Ургенчу, и третья еще лѣвѣе, между оврагами Арсаемъ и Караса-

¹⁾ Усть-Уртъ—плоская возвышенность, обрамляющая западный берегъ Аральскаго моря.

емъ, почти по берегу Аральскаго моря. Всѣ остальные мѣстачинка очень круты, и обнаженные камни, висящіе надъ страшными кручами, дѣлають доступъ туда почти невозможнымъ.

Высылкой этихъ отрядовъ, кромѣ того что достигнута цѣль умиротворенія киргизовъ и удержанія ихъ въ постоянномъ повиновеніи, принесена еще и та несомнѣнная и чрезвычайно важная польза, что въ теченіе этого времени территория нашей степи настолько изслѣдована во всѣхъ ея направленіяхъ, что мы, не краснѣя, можемъ отвѣчать, по крайней мѣрѣ, на вопросы о той мѣстности, которая считается уже болѣе ста лѣтъ въ составѣ имперіи. Рекогносцировочныя партіи при отрядахъ составили довольно точныя маршруты отъ Оренбурга чрезъ Акъ-Тюбя къ эмбенскому посту и чрезъ Илецкъ къ Уильскому укрѣпленію, а отъ сего послѣдняго къ Эмбѣ, Маспе, Акъ-Тюбя и Иргизу. Кромѣ того, произведены рекогносцировки мѣстности внизъ по теченію Эмбы къ морю, въ глубь Усть-Урта до подошвы чинка у уроч. Мынь-Су-Алмаза, и отъ Эмбенскаго поста, чрезъ оврагъ Джебыске, до оз. Самъ, и отъ того же оврага, а равно и отъ залива Перовскаго, вдоль по сѣверо-западному берегу Аральскаго моря, до копаней (колодцы) Акты-кенды, южнѣе Каратамака и, наконецъ, до мыса Джаманъ-Мурунь (Акъ-Тумсукъ). При этихъ рекогносцировкахъ оказалось, что мѣстность за Каратамакомъ, исключая скатовъ чинка къ морю, гдѣ встрѣчаются изрѣдка кормовыя травы, но доступъ куда, по чрезвычайной крутизнѣ скатовъ, очень труденъ, — камениста и совершенно безплодна, лишь кое-гдѣ покрыта полынью и мелкой колючкой. Вода въ колодцахъ встрѣчается хотя въ достаточномъ количествѣ для небольшого отряда (отрядъ въ этой мѣстности, бывшій тамъ въ 1872 году отъ войскъ оренбургскаго округа, состоялъ изъ одной роты пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ), но соленая. Съ приближеніемъ же къ Кунграду замѣтно улучшается какъ качество воды, такъ и количество ея, а равно и корма. Такимъ образомъ, то установившееся традиціонное понятіе о трудности подъема чрезъ Усть-Уртъ и о невозможности вообще предпринять какое-либо серьезное движеніе къ Хивѣ со стороны оренбургской, по случаю будто бы совершенной безплодности и безводности Усть-Урта, — отчасти разсѣяно. Хива до сихъ поръ была убѣждена въ недосыгаемости ея для нашихъ отрядовъ, и этому она, кажется, приписывала, что и всѣ ея враждебныя дѣйствія противъ насъ оставались безнаказанными. Убѣжденіе это отчасти поддерживалось въ Хивѣ и нашими дальними киргизами, какъ, напримѣръ, адаевцами и чумичли-табынцами и др., которые, перекочевывая зимой на Усть-Уртъ, были

заинтересованы по своимъ личнымъ выгодамъ поддерживать это мнѣніе, такъ какъ, опасаясь преслѣдованія за безпорядки и грабежи, которые они иногда совершали во время лѣтнихъ кочевокъ на Мангишлакѣ, такіе киргизы были принуждены уходить за Усть-Уртъ, къ предѣламъ ханства. Проникнувъ, какъ мы уже видѣли выше, до Акъ-Тумсука на югъ по Усть-Урту, отряды наши не встрѣчали тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыя считались несомнѣнно существовавшими, такъ какъ до этихъ пунктовъ, со временъ Бековича-Черкаскаго, еще ни одна изъ нашихъ командъ не доходила, и всѣ воображали, что Усть-Уртъ—это какое-то чудовище, усѣянное скорпіонами, фалангами и змѣями. (Въ іюнѣ 1858 года прошла Усть-Уртъ миссія Игнатъева). Отъ уроч. же Акъ-Тумсукъ до населенной части Хивы оставалось уже нѣсколько переходовъ, а мѣстныя условія по той сторонѣ Усть-Урта извѣстно, что вполне благопріятныя.

Съ 1620 года начали посѣщать Хиву русскія дипломатическія миссіи: Хохловъ, Оедотовъ, Даудовъ, Беневени, Гладышевъ, Муравинъ, Назимовъ, Рукавкинъ, Бланкеннагель, Муравьевъ, Никифоровъ, Данилевскій, Базинеръ, Игнатъевъ и Бутаковъ, отъ 1620 до 1858 года, послѣдовательно посѣтили Хиву, а въ началѣ XVII-го столѣтія начались съ Хивой и вооруженныя столкновенія, но, правду сказать всѣ они были крайне неудачны для насъ и потому легко могли нравственно благопріятно повліять на Хиву. Первый походъ туда произошелъ совершенно случайно. Поселившіеся на берегахъ Урала яицкіе казаки, грабившіе и разорявшіе въ то время всѣхъ и все, что ни попадалось имъ подъ руку, поймали однажды нѣсколькихъ хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Россію. Разграбивъ товаръ, казаки допытали хивинцевъ, что и какъ у нихъ въ Хивѣ. Узнавъ о богатствѣ страны и о томъ, что лѣтомъ тамъ войска не бываетъ, лихіе казаки, недолго думая, скоро собрались и, въ составѣ до тысячи человѣкъ, безъ всякаго обоза и только съ тѣмъ, что могло помѣститься на сѣдлѣ, пошли на поживу. Быстро прошли они киргизскую степь и, пользуясь дѣйствительно отсутствіемъ хивинскаго войска, совершенно истребили одинъ изъ главныхъ хивинскихъ городовъ—Ургенчъ. Наваливъ до тысячи телѣгъ богатой кладью, забравъ до тысячи женщинъ, казаки возвратились—было уже обратно, но настигнутые хивинцами и отрѣзанные отъ воды, выдержали безпримѣрную и ужасную борьбу. Недостатокъ въ водѣ и палящій зной солнца заставилъ казаковъ утолять жажду высасываніемъ крови съ убитыхъ товарищей. Нѣсколько дней отчаянно защищаясь и бросивъ все взятое въ Ургенчѣ, казаки, въ

числѣ только ста человекъ, успѣли пробиться къ Аму-Дарьѣ, но и здѣсь, въ дремучихъ камышахъ, ихъ вновь настигли хивинцы и уничтожили окончательно, такъ что преданіе объ этомъ походѣ осталось изъ сочиненія Абулгазы-Богадуръ-Хана, да изъ одной переходящей изъ рода въ родъ пѣсни самихъ казаковъ.

Вскорѣ послѣ того, яцкій атаманъ Нечай вновь собралъ казаковъ, и вновь пошли они въ Хиву *«счастія пытать»*, вновь разорили тамъ многіе города, вновь побрали много добра всякаго и женщинъ, и вновь, на обратномъ пути, всѣ казаки и самъ атаманъ уничтожены хивинцами. Была и третья попытка этихъ казаковъ проникнуть въ Хиву, но на этотъ разъ она кончилась еще хуже. Застигнутые суровой зимой, со всѣми ея ужасными здѣсь атрибутами — бураномъ и стужей, и сбившись съ дороги, казаки дошли до такого отчаяннаго положенія, что должны были убивать и ѣсть другъ друга, а часть ихъ взята хивинцами въ рабство.

Четвертый походъ противъ Хивы былъ предпринятъ по инициативѣ Петра Великаго, желавшаго, какъ извѣстно, открыть торговые сношенія съ Индіей, особенно когда (въ 1700 году) самъ хивинскій ханъ Шаніязъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Предварительно этого похода было построено нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые могли бы соединять отрядъ съ Астраханью, и, послѣ долгихъ сборовъ, князь Бековичъ-Черкасскій, съ отрядомъ до 3¹/₂ тысячъ при 6-ти орудіяхъ и съ обозомъ изъ 200 верблюдовъ и 300 лошадей, въ началѣ іюня 1717 года, двинулся чрезъ Усть-Урть въ Хиву. Не доходя до этого города 150 верстъ, на берегу р. Аму-Дарьи онъ далъ выступившимъ противъ него хивинцамъ сраженіе, которое продолжалось три дня и кончилось совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. Ханъ, видя, что дѣло плохо, вступилъ въ переговоры и обѣщалъ исполнить всѣ требованія князя Бековича, который такъ довѣрился увѣреніямъ хана, что, раздѣливъ отрядъ на нѣсколько частей, вошелъ, по приглашенію хана, въ Хиву. Но едва только онъ сдѣлалъ это, какъ хивинцы измѣннически напали на разрозненные части нашего отряда и перерѣзали всѣхъ до одного человека, а съ самого Бековича, какъ гласятъ преданія, содрали кожу, набили сѣномъ и послали ее въ подарокъ эмиру бухарскому. Пятый и послѣдній походъ на Хиву былъ предпринятъ въ 1839 году главнымъ начальникомъ оренбургскаго края, графомъ Перовскимъ, съ цѣлью занять это ханство, освободить нашихъ плѣнныхъ и дать свободу торговлѣ. Отрядъ гр. Перовскаго состоялъ изъ 3¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ полковъ уральскихъ

казаковъ, 5-ти сотенъ оренбургскихъ казаковъ и башкиръ и 22-хъ орудій, всего до 5-ти тыс. человѣкъ, при обозѣ, въ которомъ было, кромѣ лошадей, до 10-ти тыс. верблюдовъ и до 2-хъ тыс. человѣкъ верблюдовожатыхъ киргизовъ.

Послѣдній эпизодъ этого несчастнаго движенія нашего на востокъ окончился для насъ полнѣйшей неудачей. Несчастливая мысль, что, за неимѣніемъ въ степи воды, походъ легче дѣлать зимой, когда есть снѣгъ, и убѣжденіе, что морозъ для русскаго человѣка ничемъ, побудили назначить выступленіе изъ Оренбурга въ концѣ осени.

Въ свою очередь, не дремалъ и бывшій ханъ хивинскій Алла-кули. Слухи о приготовленіяхъ къ этой экспедиціи вызвали въ Хивѣ энергическія мѣры противодѣйствія. Шайки хивинцевъ были посланы въ разныя мѣста нашей степи для увоза и разграбленія нашихъ киргизовъ, сотни эмиссаровъ возмущали киргизовъ на Эмбѣ и Сыръ-Дарьѣ, чрезъ что поставка верблюдовъ для отряда, несмотря на всѣ принятыя мѣры, оказалась очень затруднительною, да и тѣ, которые доставлены, были до того плохи, что вскорѣ послѣ выступленія отряда и половины ихъ не осталось, а до Хивы было еще очень далеко; замѣнить павшихъ верблюдовъ было крайне необходимо, а достать не было никакой возможности; затѣмъ, вскорѣ по выступленіи, наступили до того сильныя холода и бураны, что графъ Перовскій вынужденъ былъ съ половины пути вернуться обратно. Отступленіе его было поистинѣ ужасно. Недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ и продовольствіи, которое не успѣли доставить, какъ было предположено, изъ ново-александровскаго укрѣпленія, страшный холодъ, бураны, возмущеніе киргизовъ-вожаковъ, изъ которыхъ двоихъ даже разстрѣляли, — все это привело къ тому, что отрядъ возвратился на линію въ числѣ только $\frac{1}{3}$ всего своего состава, и то въ изнуренномъ и искалѣченномъ видѣ, а изъ 10-ти тыс. верблюдовъ вернулось не болѣе 1000 штукъ. Такъ кончилась эта послѣдняя экспедиція, не принеся никакой пользы и стоивъ правительству, кромѣ людей, до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей ассигн. Очевидцы говорили намъ, что графъ Перовскій, съ примѣрнымъ героизмомъ выносившій всѣ труды и лишенія этого похода, былъ тѣмъ не менѣе такъ нравственно потрясенъ имъ, что возвратился въ Оренбургъ сѣдымъ.

Послѣ этого похода мы не имѣли съ Хивой никакихъ столкновеній, и она была надолго оставлена въ покоѣ.

II.

Въ 1847 году, когда мы заняли низовья Сыръ-Дарьи и открыли плаваніе по Аральскому морю, было заложено укрѣпленіе Раимское, и извѣстный нашъ морякъ А. И. Бутаковъ, съ своею ему энергіею и неустрашимостью, сдѣлалъ на шкунѣ «Николай» обзорѣніе всего сѣвернаго берега Аральскаго моря, а въ 1848 году, на военномъ суднѣ «Константинъ», имъ же произведена полная опись Аральскаго моря. Во время двухмѣсячнаго плаванія, Бутаковъ осмотрѣлъ всѣ берега этого моря, за исключеніемъ восточнаго, а въ 1849 году 5^{1/2} мѣсяцевъ вновь ходилъ по Аральскому морю и произвелъ астрономическое опредѣленіе пунктовъ, съемку береговъ, промѣры и вообще всю опись, такъ что съ тѣхъ поръ Аральское море сдѣлалось намъ совершенно извѣстнымъ.

Въ 1858 году отважный морякъ этотъ, крейсируя на пароходѣ по Аму-Дарьѣ, совершенно нежданно-негаданно на всѣхъ парахъ подлетѣлъ къ Кунграду и у самаго города всталъ на якорь, изумивъ и приведя въ неописанный страхъ все населеніе. Въ 1863 году, на этомъ же пароходѣ, я, въ числѣ другихъ, совершалъ плаваніе по верхнему теченію Сыръ-Дарьи къ Туркестану, и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ очевидцевъ о томъ впечатлѣніи, которое было произведено этой смѣлой выходкой. Говорятъ, что населеніе Кунграда при появленіи парохода въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ города и только одни смѣльчаки высматривали изъ камыша на шайтана (чортъ). Когда же послѣ нѣкоторой стоянки жители увидѣли, что имъ ничего не дѣлаютъ, а затѣмъ, когда пароходъ нашъ снялся съ якоря и пошелъ нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ мимо города, а потомъ назадъ, то массы народа высыпали на берегъ и долго бѣжали слѣдомъ за удаляющимся пароходомъ.

Такимъ образомъ мы примкнулись почти непосредственно къ хивинскимъ владѣніямъ, а потому столкновенія наши съ Хивой, весьма естественно смотрѣвшей очень недружелюбно на такое сосѣдство, сдѣлались очень вѣроятными и вскорѣ, дѣйствительно, обнаружились со стороны Хивы разграбленіемъ, близъ урочища Кармакчи, болѣе тысячи кибитокъ нашихъ киргизовъ и послѣдовательными нападеніями на нашихъ киргизовъ, кочующихъ по всему протяженію праваго берега Сыръ-Дарьи. Несмотря однако на это, противъ Хивы ничего серьезнаго съ нашей стороны не предпри-

нималось, а вскорѣ затѣмъ сношенія Россіи съ этимъ ханствомъ совсѣмъ прервались.

Съ 1853 же года по 1869 все наше вниманіе, силою сложившихся обстоятельствъ, было обращено на другую сторону. Занявъ низовья Сыръ-Дарьи, открывъ плаваніе по Аральскому морю и двигаясь вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, мы взяли Ташкентъ, Самаркандъ и многіе другіе города, всѣ дѣла наши исключительно сосредоточились въ этой части Средней-Азіи. Въ послѣднее время, до 1867 года, и хивинское правительство оставалось, повидимому, въ совершенной съ нами дружбѣ, но этому, нужно полагать, много способствовало то обстоятельство, что въ 1865—1866 году вся торговля Бухары съ Россіею по случаю военныхъ дѣйствій шла чрезъ Хиву, отчего казна хана весьма выигрывала; но какъ только въ 1866 году, послѣ взятія Джизака, прямыя торговыя сношенія съ Бухарой были возстановлены (съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не прерываться, не взирая на продолженіе военныхъ дѣйствій), хивинскій ханъ тотчасъ измѣнилъ свое поведеніе и всякій годъ, все болѣе и болѣе, открыто заявлялъ себя врагомъ нашимъ.

Продолжая не обращать вниманія на враждебныя дѣйствія Хивы, преслѣдуя цѣль развитія нашей торговли въ Средней Азіи и озабочиваясь изысканіемъ удобнѣйшаго и кратчайшаго съ нею пути сообщенія, правительство наше, желавшее устроить укрѣпленную факторію на восточномъ побережьи Каспійскаго моря, заняло въ 1869 году Красноводскій заливъ, а по случаю передачи изъ оренбургскаго вѣдомства въ вѣдѣніе кавказскаго начальства Мангишлякскаго полуострова, кавказскія войска упрочились на всемъ восточномъ берегу Каспійскаго моря, основавъ укрѣпленные пункты на полуостровѣ Мангишлякъ — въ фортѣ Александровскомъ, въ Красноводскѣ, на низовьяхъ рѣки Атрека-Чекишляръ (на границѣ съ Персіей) и въ Астрабадскомъ заливѣ—Ашуръ-Адъ, такъ что это послѣднее обстоятельство какъ-бы вновь напоминало Хивѣ возможность распространенія нашего вліянія на нее; но несмотря на временное забвеніе, несмотря и на то, что силою самого положенія средне-азіатскаго дѣла, за послѣднія десять лѣтъ, Хива вдругъ очутилась тѣсно окруженною съ двухъ сторонъ русскими войсками, имѣвшими постоянную возможность, какъ уже въ эти десять лѣтъ видѣла она, безпрепятственно подойти къ ея предѣламъ; несмотря на все это, непріязненное отношеніе этого ханства къ Россіи стало явленіемъ совершенно обыденнымъ. Хивинскій оазисъ, населенный узбеками, сартами, каракалпаками, всегда былъ и есть со-

средоточіемъ всякаго сброда людей преимущественно изъ нашей орды, неимѣющихъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскою властью, но даже въ средѣ своего кочевого общества, такъ что и простой разбойникъ и почетный султанъ, мечтающій о какомъ-то возрожденіи киргизскаго народа, все это бѣжитъ въ Хиву, находитъ тамъ пріютъ и если не матеріальную, то всегда нравственную поддержку. Такъ, въ 1869 году, недовольные введеніемъ въ киргизской степи новаго положенія султанъ-есауль ханъ-Галій Араслановъ и Азбергенъ Мунайтмасовъ, со всѣми своими однородцами откочевали въ Хиву и не только были приняты ханомъ, но Арасланова ханъ возвелъ въ достоинство киргизскаго хана и при его содѣйствіи неоднократно обращался къ нашимъ мирнымъ киргизамъ съ приглашеніями перейти въ его подданство и съ воззваніями, слѣдующаго содержанія:

«Во-первыхъ, во имя Бога, а во-вторыхъ пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе!

«Онъ!

«Всевышній Богъ, который есть жемчужина моря совершенства, перлъ меча шаригата (вѣра), роза сада истины, соловей цвѣтника тариката (секта), свѣча фонаря постоянства, чапа общества великодушія, пособіе отъ болѣзни просящаго,—да сохранить отъ всѣхъ бѣдствій!

«Великодушнымъ и храбрымъ, адаевского рода, біямъ и всѣмъ, отъ малаго до великаго, передаемъ слѣдующее:

«Сынъ Гаита, Хошвакъ-Батыръ, сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьѣ и благополучіи, что насъ очень обрадовало. Мы слышали о войнѣ вашей съ подлыми и нечестными русскими. Если это правда, то намъ желательно, чтобы вы объ этомъ извѣстили насъ письменно. Если же вы рѣшаетесь воевать во славу Божію и во имя вѣры пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе, уповая единственно на самого питающаго всѣхъ (Богъ), то это послужитъ поводомъ къ тому, что сыны трехъ ордъ соединятся всѣ вмѣстѣ и сядутъ на своихъ коней (вооружатся), и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ послать письма ко всѣмъ знатымъ лицамъ, пребывающимъ какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ большой и малой ордахъ. Событіе, которое должно совершиться въ общій намъ вѣкъ, мы должны считать за счастье: убьемъ—прославимся воинами, сражающимися противъ невѣрныхъ, а убьютъ насъ,—тогда причислятъ насъ къ числу мучениковъ. Мы представляемъ себѣ слѣдующую мысль: зачѣмъ намъ, заискивая сей безконечный міръ, лишаться той сча-

стливой доли, которая назначена каждому въ будущей жизни? Радуюсь, что вы, почтеннѣйшіе, уже приступили къ дѣлу, мы денно и нощно пребываемъ, послѣ cadaго намаза (пятивременное богослуженіе), въ молитвѣ о вашемъ здоровьѣ и просимъ Всемогущаго Создателя предопредѣлить намъ свиданіе съ вами. Аминь. О, Господи міровъ! Въ заключеніе же свидѣтельствуемъ вамъ наше почтеніе. Письмо это написано въ 13-й день мѣсяца джумади-эль-аввель, 1286 года. На оборотѣ письма приложена печать со слѣдующей надписью: «Садыкъ, сынъ воина Кенисарихана».

Кромѣ того, на всѣ старанія наши въ послѣднее время войти съ хивинскимъ правительствомъ въ мирныя сношенія и дѣлаемыя ему по этому поводу заявленія отъ туркестанскаго генераль-губернатора, ген.-ад. Кауфмана, которому предоставлено было право сношенія со всѣми властелинами Средней Азіи, и который въ своихъ сношеніяхъ предлагалъ хану миръ и дружбу Россіи съ условіемъ: возвращенія всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, находящихся въ Хивѣ, запрещенія своимъ подданнымъ вмѣшиваться въ дѣла нашихъ киргизовъ и заключенія равноправнаго для обѣихъ сторонъ торговаго обязательства, ханъ Мухамедъ-Рахимъ отвѣчалъ ген.-ад. Кауфману крайне дерзкими и неприличными письмами и не только не исполнилъ нашихъ законныхъ требованій, но, не стѣсняясь, высылалъ цѣлыя шайки грабителей въ нашу степь и къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, которыя волновали нашихъ киргизовъ, продолжая взимать съ нихъ именемъ хана зякетъ (подать), а въ случаѣ отказа разоряли цѣлыя аулы; кромѣ того, продолжалъ давать у себя убѣжище главнѣйшимъ зачинщикамъ возстанія въ нашей оренбургской киргизской степи и даже награждалъ ихъ. Шайки хивинцевъ и укрывавшихся въ предѣлахъ ханства нашихъ киргизовъ, какъ сказано выше, безпрестанно прорывались на чрезвычайно важный для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, орскъ-казалинскій трактъ — единственное сообщеніе Ташкента съ Оренбургомъ, и разоряли станціи, проходящія по пути караваны, угоняли лошадей, убивали проѣзжающихъ и оставили одно время трактъ этотъ безъ сообщенія. Отсюда понятно, почему хивинцы при врожденной склонности къ разбою и наплывѣ извнѣ отвергнутыхъ закономъ и обществомъ личностей, несмотря на осѣдлость, до сихъ поръ преимущественно занимаются грабежемъ, которому весьма способствуетъ, впрочемъ, и окружающая Хиву мѣстность.

Соприкасаясь съ владѣніями нашихъ киргизовъ, Хива постоянно

эксплуатировала ихъ и подъ угрозой мести подстрекала къ неповиновенію русской власти, что всегда было главной причиной ослабленія вліянія нашего на киргизовъ и отчасти было причиной, какъ я уже сказалъ, и тѣхъ безпорядковъ и возмущенія, которые были въ степи съ 1869 по 1871 годъ, во время введенія между киргизами Оренбургскаго вѣдомства новаго положенія управленія ими. Кромѣ того, Хива была постоянно центромъ сбыта нашихъ плѣнныхъ, которые и по сіе время находились тамъ въ рабствѣ; достовѣрно извѣстно и то, что казаки, взятые въ плѣнъ въ извѣстномъ дѣлѣ Рукина, на Мангишлакѣ, проданы въ Хиву, а на требованіе наше выдать плѣнныхъ хивинскій ханъ отвѣчалъ, какъ и прежде, отказомъ и вообще не только не обнаруживалъ желанія исполнить наше требованіе, но дерзкія вторженія отдѣльных хивинскихъ шаекъ въ предѣлы наши стали повторяться еще чаще, такъ что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1872 года нѣсколько мелкихъ шаекъ хивинцевъ прибыли къ южному склону Усть-Урта, гдѣ обыкновенно кочуетъ въ это время года значительное число кибитокъ нашихъ киргизовъ, съ цѣлью вынудить этихъ киргизовъ: выплатить выкупъ (подать хану), признать власть хивинскаго хана и не подчиняться русскому правительству, причемъ распустили слухъ, что огромное хивинское войско вслѣдъ за ними идетъ въ нашу степь.

Подобныя ежегодныя дѣйствія хивинцевъ не только всегда волновали населеніе, но и очень вредно отзывались на хозяйствѣ киргизовъ, особенно адаевского и чумичли-табынскаго родовъ, которое преимущественно заключается въ скотѣ, такъ какъ для сохраненія своихъ стадъ отъ стужи и зимнихъ бурановъ у нихъ есть только одно убѣжище — это южный склонъ Усть-Урта. Такимъ образомъ, киргизы эти, не имѣя почти никакого оружія и разбросанные на огромномъ пространствѣ, рѣшительно не могли защитить себя отъ произвола хивинскихъ шаекъ. Ограждать же зимой нашими отрядами киргизовъ-кочевниковъ не только тѣхъ, которые откочевываютъ за предѣлы досягаемости отрядовъ, но даже кочующихъ за Эмбой — невозможно. Въ свою очередь и киргизы прикочевывать подъ охрану нашихъ укрѣпленій съ громаднымъ количествомъ скота, который находится у нихъ, по неимѣнію достаточнаго корма и по суровости зимы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся укрѣпленія, — тоже не могутъ. Въ концѣ 1872 года, во время движенія красноводскаго отряда полковника Маркозова для изслѣдованія пути отъ укрѣпленія Джамалинскаго до Хивы, чрезъ колодцы Игды и Ортыкую, на него было сдѣлано открытое нападеніе: партія конныхъ хивинцевъ въ 500 человекъ успѣла отогнать у насъ съ пастбы 146 верблюдовъ и убить 3-хъ.

Необыкновенно пересѣченная мѣстность около Топіатана и очень глубокіе пески помѣшали пѣхотѣ и казакамъ перерѣзать путь хищникамъ, и хотя хвостъ послѣднихъ и былъ настигнутъ нашими войсками, но хивинцы успѣли исполнить свое намѣреніе, оставивъ, по показанію нашихъ туркменовъ, нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Затѣмъ, 8-го октября, по наущенію Хивы у Джамала партія текинцевъ (жители мѣстности, называющейся Теке, по существующему убѣжденію всѣхъ средне-азіатцевъ, до того страшны и воинственны, что противъ нихъ никто и никогда не предпринимаетъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій) до 300 человѣкъ, предводимая лично Софи-ханомъ, сдѣлала попытку отогнать у отряда верблюдовъ, дабы такимъ образомъ лишить его возможности двигаться далѣе; но лишь только замѣчено было приближеніе непріятеля, отрядъ нашъ сталъ въ ружье, а казаки, числомъ 32, при 3-хъ офицерахъ, бросились на встрѣчу текинцамъ, которые уже успѣли изрубить 2-хъ пастуховъ-туркменовъ и погнать верблюдовъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго, такъ какъ съ приближеніемъ пѣхоты казаки бросились въ шашки. Тогда часть текинцевъ спѣшилась и рассыпавшись по кустарнику, покрывающему почти сплошь бугристые пески окрестностей Джамалы, открыла огонь по пѣхотѣ, а остальные встрѣтили казаковъ на коняхъ холоднымъ оружіемъ, послѣ чего стрѣльба скоро прекратилась, такъ какъ и пѣхота, добѣжавъ до непріятеля, стала дѣйствовать штыками. Верблюды были отбиты обратно и непріятель приведенъ въ бѣгство. Кромѣ оставленныхъ на мѣстѣ боя 23-хъ убитыхъ, мы взяли у непріятеля 10 человѣкъ въ плѣнъ (у насъ убитъ 1 казакъ и 2 туркмена и ранены шашками — 1 офицеръ, 1 урядникъ и 1 туремень). Говорятъ, что непріятель увезъ еще съ собой своихъ убитыхъ 15 и раненыхъ 30 человѣкъ. Въ Игды къ полковнику Маркозову прибыли текинскіе посланцы съ просьбою возвратить имъ раненыхъ плѣнныхъ и съ письменными извиненіями хановъ за джамалинское нападеніе; въ письмахъ этихъ, между прочими оправдательными аргументами, приводится то обстоятельство, что войска наши похожи на персидскія.

Всѣ эти враждебныя противъ насъ дѣйствія хивинскаго правительства, явно происходящія отъ того вліянія, направляемаго прямо во вредъ нашего значенія въ степи, которое имѣетъ Хива на туркменскія и киргизскія степи, по самому стратегическому положенію ханства, не могли не вызвать даже въ самой Хивѣ сознанія и убѣжденія, что Россія должна быть недовольна политикою хана, что и побудило его, въ началѣ 1872 года, выслать

для переговоровъ свои посольства чрезъ Александровскій фортъ къ намѣстнику Кавказа и чрезъ Оренбургъ съ подарками къ Государю Императору. На имя великаго князя намѣстника, ханъ написалъ грамоту слѣдующаго содержанія:

«Великій Императоръ, нашъ другъ, да продлится любовь ваша къ намъ навсегда! Брату славнаго, уважаемаго, могущественнаго Его Величества Россійскаго Самодержца, Государя, имѣющаго корону, сіяющую подобно солнцу, Государя Иисусова народа, желаю много лѣтъ сидѣть на престолѣ и продолжать знакомство и дружескую переписку между нами.

«Да будетъ вашему дружескому сердцу извѣстно, что съ давняго времени между двумя нашими высокими правительствами существовало согласіе; отношенія между нами были откровенныя и основанія дружбы день - ото - дня укрѣплялись, какъ будто два правительства составляли одно, и два народа — одинъ народъ.

«Но вотъ, въ прошломъ году, ваши войска явились къ Челекеню на берегу Харазмскаго залива ¹⁾, какъ мы слышали, для открытія торговли, и недавно небольшой отрядъ этихъ войскъ, приблизившись къ Сары-Камышу, который издавна находится подъ нашей властью, вернулся назадъ. Кромѣ того, со стороны Ташкента и Акъ-мечети ²⁾ подходили войска ваши къ колодезю Минъ-булакъ, лежащему въ нашихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Намъ неизвѣстно: знаетъ ли объ этомъ великій князь или нѣтъ?

«Между тѣмъ, съ нашей стороны не предпринималось никогда такихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить дружественныя съ вами отношенія, и только однажды ³⁾ изъ общества Казакія, которое находится подъ нашей властью, пять или шесть храбрецовъ были посланы къ вамъ; но они не переходили за нашу границу и, не сдѣлавъ вамъ никакого вреда, возвратились обратно. Въ то же время нѣкоторыми людьми изъ этого же общества были захвачены четыре-пять человѣкъ вашихъ людей, но мы отобрали ихъ и бережемъ у себя.

«Въ прошломъ году темиръ-ханъ-шуринскій заслуженный князь сказалъ объ насъ иману: «если они наши друзья, то по какой причинѣ держать у себя людей нашихъ?»

«Узнавъ объ этомъ, мы поручили тому же иману отвезти одного изъ этихъ людей къ вамъ, другихъ же оставляемъ, пока, у себя.

¹⁾ Красноводскій заливъ.

²⁾ Гор. Перовскъ.

³⁾ Въ подлинникѣ «въ другомъ году».

«И если вы, желая поддержать съ нами дружескія отношенія, заключите условіе, чтобы каждый изъ насъ довольствовался своей прежней границей, то мы въ то же время возвратимъ и остальныхъ вашихъ людей; но если плѣнные эти служатъ для васъ лишь предлогомъ для открытія враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, съ цѣлью расширенія вашихъ владѣній, то да будетъ на это опредѣленіе Всемогущаго и Свѣтлаго Бога, отъ исполненія воли котораго мы уклониться не можемъ».

«Поэтому написано это дружественное письмо въ мѣсяцѣ Шавалла».

На печати изображено: «Сеитъ-Магометъ-Сахимъ-Ханъ».

Но хитрость средне-азіатскаго владыки, сознаващаго близость опасности, была предугадана и посольства потерпѣли полнѣйшую неудачу. Кавказское посольство, доѣхавъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, а петербургское до Оренбурга, было принято главными начальниками названныхъ краевъ, которые, не вступая ни въ какіе съ посланцами разговоры, заявили представителямъ хана, что прежде чѣмъ вести какіе бы то ни было переговоры съ ханомъ и допустить посланцовъ къ Государю Императору и великому князю, хивинскій ханъ обязывается:

1) Немедленно освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ хивинскихъ владѣніяхъ, и 2) написать генералу Кауфману объясненіе своихъ прежнихъ поступковъ, такъ какъ въ отвѣтъ на дружественныя посланія этого генерала ханъ давалъ дерзкіе отвѣты.

Послѣ этого оба посланца возвратились тотчасъ обратно.

Когда же кавказское начальство послало отъ себя въ Хиву довѣренныхъ лицъ, чтобы разяснить, почему хивинское посольство не принято, то наши посланные, хотя и были приняты ханомъ ласково и переговоры ихъ съ приближенными хана и его сановниками подавали въ началѣ надежду на благопріятный исходъ даннаго имъ порученія, но въ послѣдствіи, черезъ три недѣли, нашимъ уполномоченнымъ ханъ лично объявилъ, что не можетъ дать отвѣта на ихъ заявленіе, пока не получитъ таковаго же отъ великаго князя намѣстника, на посланную къ его высочеству ханомъ грамоту. «Если есть у васъ отвѣтъ, сказалъ ханъ, отпуская уполномоченныхъ нашихъ, то подайте его мнѣ; если же нѣтъ, то привезите назадъ грамоту».

Затѣмъ, вновь начинаются энергическія попытки хивинскаго правительства, особенно послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ кавказскихъ войскъ по направленію къ Хивѣ, установить внутреннюю связь между имъ и Калькутой, посольства въ Турцію,

Индію и Англію съ просьбой о защитѣ противъ Россіи—все это какъ нельзя болѣе показываетъ, что Хива имѣла основаніе бояться Россіи и принимала потому заблаговременно оборонительныя мѣры.

Англія, которая всегда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за движеніемъ политики нашей по средне-азіатскому вопросу и которой весьма хотѣлось, чтобы петербургскій кабинетъ призналъ за особенно покровительствуемымъ Англіею кабульскимъ эмиромъ Ширъ-Али непосредственную власть надъ Афганскими провинціями Бадахшаномъ и округомъ Вахшаномъ, заявила притязаніе, относительно тѣхъ границъ, какія мы намѣрены сдѣлать исходною точкою въ нашихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи. Весьма щекотливый и крайне неудобно-опредѣлимый вопросъ этотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшенъ теперь вполне удовлетворительнымъ образомъ. Уступка, сдѣланная нашимъ правительствомъ сентъ-джемскому кабинету въ признаніи правъ кабульскаго эмира Ширъ-Али на принадлежность къ территоріи его владѣній въ Афганистанѣ провинціи Бадахшанъ, съ зависящею отъ нея областью Вахшаномъ, тѣмъ самымъ признавала и за Россіей, со стороны Англіи, полную свободу дѣйствій нашихъ на всемъ пространствѣ, отдѣляющемъ новую демаркаціонную афганскую линію отъ границы нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, освобождая насъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить заранѣе *status quo* нашего движенія на востокъ.

Отвѣтъ князя Горчакова, опубликованный въ газетахъ, не только развязывалъ намъ руки, но какъ нельзя болѣе удовлетворялъ неудовольствія англійской прессы, парламента и даже всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ такъ громко протестовали противъ того, чтобы Англія вступала въ какіе бы то ни было договоры съ Россіей.

Между тѣмъ, непріязненные дѣйствія хивинскаго правительства еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года поставили главный штабъ въ необходимость составить обо всемъ этомъ подробный докладъ военному министру, и походъ на Хиву былъ уже дѣломъ совершенно рѣшеннымъ, но дальнѣйшія распоряженія не приводились въ исполненіе только потому, что въ теченіи всей осени и зимы 1872 года въ Петербургѣ предполагали, что начальникъ кавказскихъ войскъ на Атрекѣ, полковникъ Маркозовъ, производившій въ то время рекогносцировки и бывшій въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Хивы, покончитъ съ нею. Такъ прошло время до конца 1872 года, когда съѣхались въ Петербургъ по дѣламъ службы генералъ-губернаторы оренбургскій и туркестанскій, а

затѣмъ и намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, и тогда уже окончательно составилось предположеніе о необходимости приступить къ рѣшительнымъ противъ Хивы дѣйствіямъ. Безотлагательное нанесеніе Хивѣ рѣшительнаго удара было объявлено совершенно необходимымъ, такъ какъ безъ этого рѣшительнаго шага дальнѣйшее пребываніе нашихъ отрядовъ въ Красноводскѣ, или Чекишлярѣ, сдѣлалось бы бесполезнымъ, а движенія ихъ въ степи, если бы ихъ нужно было предпринимать, могли даже представить серьезныя затрудненія. Приготовленія къ походу въ Хиву предполагалось начать немедленно, дабы имѣть возможность окончить ихъ къ марту мѣсяца этого года; а такъ какъ думали вести военныя дѣйствія съ трехъ сторонъ, именно со стороны округовъ кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго, то имѣя въ виду громадное разстояніе, раздѣляющее эти округа другъ отъ друга, которое могло бы затруднить согласованіе дѣйствій, если бы поставить имъ въ условіе зависимость отъ взаимныхъ дѣйствій, рѣшено было каждому изъ трехъ отрядовъ дать, сколько возможно, большую самостоятельность. Такимъ образомъ, если бы отрядъ кавказскихъ войскъ достигъ Хивы раньше туркестанскаго и оренбургскаго, то тѣмъ самымъ только упростилъ бы этимъ войскамъ исполненіе ихъ задачи и облегчилъ самое слѣдованіе ихъ по степямъ, такъ какъ появленіе русскихъ войскъ въ предѣлахъ Хивы, безъ сомнѣнія, произвело бы громадное нравственное вліяніе на всѣ сопредѣльные кочующіе народы. Численность кавказскаго отряда, который долженъ былъ прибыть къ предѣламъ хивинскаго ханства, предполагалась въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при 16-ти орудіяхъ, и четырехъ сотенъ кавалеріи. Перевозочныя средства, въ томъ числѣ и продовольствіе отряда до четырехъ мѣсяцевъ, должно было состоять изъ 4—5 тысячъ верблюдовъ, которыхъ предполагалось купить или нанять на Мангишлакѣ.

Ген.-ад. фонъ-Кауфманъ въ общихъ чертахъ предполагалъ тогда именно слѣдующее: сосредоточить въ Казалинскѣ отъ оренбургскаго округа 4 роты пѣхоты, 3 сотни и 4 конныхъ орудія. Войска эти должны были на Сыръ-Дарьѣ соединиться съ 4-мя ротами пѣхоты, 4-мя горными орудіями туркестанскаго округа и слѣдовать въ концѣ февраля изъ Казалинска и Перовска на урочище Иркибай и Дау-Кара, а оттуда по берегу Аму-Дарьи вверхъ по рѣкѣ, до встрѣчи съ другимъ отрядомъ, который долженъ былъ выйти на берегъ той же рѣчки съ противоположной стороны, то-есть, съ юга, и затѣмъ соединенными силами атаковать Хиву.

Наконецъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій находилъ, что если бы дѣйствовать противу Хивы, какъ предполагалъ генераль-адъютантъ Кауфманъ съ двухъ сторонъ, то оставалась бы открытою третья, весьма важная сторона—пространство къ сѣверо-западу отъ береговъ Аральскаго моря, примыкающее къ району жилищъ мало-покорныхъ намъ усть-уртовскихъ кочевниковъ. Пространство это служило всегда поприщемъ хищныхъ хивинскихъ партій, врывавшихся въ киргизскую степь, и можно съ достовѣрностію полагать, что при движеніи нашихъ силъ на Хиву, если не войска хивинскія, то по крайней мѣрѣ разныя туркменскія или киргизскія сброды, стараясь уйти отъ нашихъ ударовъ, направятся въ открытое пространство Усть-Урта, сосредоточится по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и въ пескахъ Самъ-Матай, и отсюда вмѣстѣ съ бродячимъ элементомъ нашихъ киргизовъ можетъ произвести значительныя замѣшательства въ степи.

Такъ какъ весеннія воды Аму-Дарьи иногда разливаются на значительное пространство и по своемъ спаденіи оставляютъ по берегамъ топкія болота, то въ такомъ случаѣ войска со стороны Ташкента могли бы быть задержаны въ бездѣйствіи, и тогда кавказскія войска, пришедшія въ предѣлы ханства, вынуждены были бы занять его сами; но такъ какъ путь кавказскихъ войскъ лежитъ прямо на городъ Хиву, а затѣмъ внизъ по Аму-Дарьѣ, то, дѣйствуя такимъ образомъ, они вытѣснили бы изъ хивинскихъ предѣловъ боящіяся встрѣчи съ ними мелкія шайки хищниковъ, состоящія изъ разнаго сброда, на Усть-Уртѣ и въ предѣлы Оренбургскаго края, такъ что по удаленіи нашихъ войскъ изъ Хивы вся эта сволочь, которая до того укрывалась бы на Усть-Уртѣ и въ туркменскихъ степяхъ, вновь явилась бы въ Хиву и, составивъ тамъ свой оплотъ, съ усиленною дерзостью стала бы дѣлать набѣги въ наши предѣлы.

Принимая все это во вниманіе, генераль Крыжановскій полагалъ, независимо отъ отрядовъ со стороны Ташкента и Кавказа, сформировать еще въ Оренбургѣ отрядъ изъ 9 ротъ, 6 сотенъ и 8 орудій и двинуть его чрезъ пески Самъ и чрезъ Каратамакъ вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Кунградъ, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы части этого отряда, соединившись на уроч. Касарма (на серединѣ разстоянія между Каратамакомъ и Уртой) подошли къ послѣднему пункту въ одно время съ прибытіемъ войскъ кавказскихъ и туркестанскихъ къ Хивѣ; такимъ образомъ достигалось, во-первыхъ, то, что самая безпокойная для насъ часть хивинскаго населенія, сосредоточиваю-

щаяся около Кунграда, была бы въ нашихъ рукахъ, во-вторыхъ, хивинскіе жители были бы окружены со всѣхъ сторонъ, въ-третьихъ, затруднительная переправа чрезъ Аму-Дарью для ташкентскихъ войскъ была бы облегчена, и въ-четвертыхъ, въ случаѣ разлитія Аму-Дарьи и невозможности достигнуть ташкентцамъ хивинскихъ предѣловъ, кавказскія войска не остались бы одни и не были бы поставлены въ затруднительное положеніе.

III.

По обсужденіи всѣхъ предположеній, 12 декабря 1872 года состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы, въ виду явно враждебныхъ къ намъ отношеній Хивы въ послѣднее время и для наказанія этого ханства, предпринять противъ него рѣшительныя дѣйствія съ наступленіемъ предстоящей весны 1873 года. Окончательный ударъ Хивѣ предположено нанести совокупными усиліями трехъ военныхъ округовъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Роль cadaго округа опредѣлена составленнымъ общимъ планомъ дѣйствій, который, въ главныхъ чертахъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Наступательныя дѣйствія будутъ произведены съ двухъ сторонъ, съ востока войсками туркестанскаго округа и съ запада соединенными силами отрядовъ оренбургскаго и кавказскаго округовъ. Общій предметъ дѣйствія всѣхъ отрядовъ есть столица ханства, наказаніе которой и разсѣяніе хивинскихъ скопищъ должно составлять первую заботу войскъ.

Для этого, изъ Ташкента выступаетъ подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, отрядъ изъ 11 ротъ съ саперною командою въ 200 человѣкъ, 5¹/₂ сотенъ казаковъ, 14 орудій и ракетный дивизионъ. Отрядъ этотъ, слѣдуя чрезъ Джизакъ по дорогѣ, идущей вдоль Бухарской границы на Темиръ-Кудукъ, Тамды и Ильдербъ-Ата, у подошвы Буканскихъ горъ, приблизительно на Дау-Кара или въ уроч. Мынь-Булакъ, гдѣ будетъ удобнѣе, соединится съ другимъ отрядомъ туркестанскаго же округа, который выйдетъ изъ горъ. Казалинска и будетъ состоять изъ 9 ротъ, 1¹/₂ сотни казаковъ, ракетнаго и горнаго дивизионовъ (общая численность туркестанскаго отряда будетъ слѣдовательно въ 20 ротъ; численный составъ въ ротахъ какъ линейныхъ, такъ и стрѣлковыхъ, который взять въ походъ—140 рядовыхъ, 12—14 унтеръ-офицеровъ и 10 нестроевыхъ- воору-

женныхъ, 7 сотенъ казаковъ и 18 орудій). Затѣмъ, общими силами, отрядъ этотъ двинется прямо на Хиву, совершивъ выше Мынъ-Булака переправу чрезъ Аму-Дарью и войдя въ сообщеніе съ войсками оренбургскими и кавказскими, которые къ этому времени (въ первыхъ числахъ мая) должны быть уже на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи и поступятъ подъ общее начальство генерала Кауфмана.

Со стороны Оренбурга сосредоточивается на Эмбѣ отрядъ подъ начальствомъ наказнаго атамана уральскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта Веревкина, силою въ 9 ротъ (2-й оренбургскій линейный баталіонъ и четыре роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона), 6 сотенъ оренбургскихъ и 3 сотни уральскихъ казаковъ и 6 орудій конно-казачьей артиллеріи, 6 ракетныхъ станковъ и 4 полупуд. мортиры. Отрядъ этотъ долженъ двигаться чрезъ Каратамакъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Касарму и Ургу; здѣсь, соединясь съ кавказскими войсками, которыя поступаютъ подъ общее начальство генерала Веревкина, идти впередъ и стараться облегчить переходъ туркестанскихъ войскъ чрезъ Аму.

Кавказскія войска хотя предполагалось выслать изъ Красноводска и форта Александровскаго, но за невозможностью достать на мѣстѣ сосредоточенія главныхъ кавказскихъ силъ, на Атрекѣ, верблюдовъ для поднятія тяжестей, часть этого отряда съ продовольствіемъ перевезена изъ Атрека моремъ въ Киндерли, и такимъ образомъ, изъ Атрека (Чекишляра), отрядъ подъ начальствомъ полковника Маркозова вышелъ (26 марта) только изъ 12 ротъ, 16 орудій и 4 сотенъ съ продовольствіемъ людямъ до 1 іюня, а лошадямъ до 9 мая, а другой отрядъ вышелъ изъ Киндерли, подъ начальствомъ полковника Ломакина, въ составѣ 16 ротъ, 6 сотенъ и 8 орудій, съ продовольствіемъ на 3 мѣсяца, такъ какъ на всемъ полуостровѣ нельзя было достать болѣе 1,500 верблюдовъ. Войска эти, подвигаясь съ Атрека на Измышаръ, а изъ Киндерли къ Илтъ-Иджи, должны будутъ начать соединеніе съ генераломъ Веревкинымъ, не доходя Айбугирскаго залива.

На расходы по снаряженію войскъ, предназначенныхъ для экспедиціи противъ Хивы, и не могущіе быть отнесенными на смѣтныя суммы интендантства, какъ-то: на заготовленіе экспедиціонныхъ вещей, подъемныя деньги офицерамъ и чиновникамъ этихъ отрядовъ, на суточные деньги милиціонерамъ или джигитамъ, на наемъ или покупку верблюдовъ и кибитокъ, содержаніе почтарей и на экстраординарные расходы было ассигновано

сверхсмытнымъ кредитомъ въ распоряженіе генерала Кауфмана 287,300 руб., генерала Крыжановскаго 200 т. р.; снаряженіе экспедиціи со стороны Кавказа отнесено на четырехсотъ-тысячную экстраординарную сумму, отпускаемую ежегодно въ распоряженіе кавказскаго начальства.

Степные походы вообще не имѣютъ ничего общаго съ походами войскъ всего міра, но походы по степямъ оренбургскаго вѣдомства, а также, какъ и нынѣшній, по направленію къ Хивѣ, по трудности своей, вслѣдствіе безводія, безкормицы и климатическихъ условій, не можетъ быть сравненъ ни съ походами сосѣдственныхъ войскъ туркестанскихъ и кавказскихъ, ни тѣмъ болѣе съ походами другихъ войскъ цѣлаго свѣта. Можно положительно сказать, что труднѣйшія экспедиціи французскихъ войскъ въ Египетъ и Алжиръ и англійскихъ въ Индію, Кабуль, Авганистанъ и даже въ Абиссинію, не могутъ дать точнаго понятія объ экспедиціи въ степяхъ Средней Азіи и особенно въ степи оренбургскаго вѣдомства по направленію къ границамъ хивинскаго ханства. Степь эта представляетъ зимой мѣстность съ страшными морозами и буранами, истребляющими цѣлыя киргизскія стада и уничтожающими все, что имъ попадается по пути, а лѣтомъ абсолютно-безплодную почву, раскаленную жгучими солнечными лучами неизмѣннаго въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ чистаго безоблачнаго неба, отсутствіе всякой растительности, сыпучіе передвижные пески, гонимые почти постоянными вѣтрами, тонкую, всюду проникающую, какъ паръ, пыль, и къ невыносимому жару и совершенному отсутствію не только человѣческаго жилья, но даже признаковъ человѣческой жизни, присоединяется еще и повсемѣстный недостатокъ воды. Уже это одно обстоятельство указываетъ, какъ труденъ долженъ быть степной походъ въ этихъ мѣстахъ, въ особенности относительно перевозочныхъ средствъ. Вода здѣсь составляетъ такой драгоцѣнный матеріалъ, что по вѣрованію киргизовъ «капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ».

Всѣ эти крайне невыгодныя для похода изъ Оренбурга условія и сравнительно даже гораздо худшія чѣмъ походъ туркестанскихъ и кавказскихъ войскъ, наконецъ, неоднократно, какъ мы видѣли выше, предпринимаемыя отсюда прежде экспедиціи и кончавшіяся всегда полною неудачею, именно вслѣдствіе естественныхъ преградъ представляемыхъ природою, дали мнѣ поводъ описывать нынѣшнюю хивинскую экспедицію собственно со стороны Оренбурга, тѣмъ болѣе, что снаряженія войскъ и всѣ приготовленія къ походу, направленные съ цѣлію предотвра-

тить и преодолѣть предстоящія препятствія и трудности, по совершенной, къ тому, исключительности своей какъ въ способѣ движенія, такъ и въ предметахъ снаряженія войскъ, представляютъ совершенно особый интересъ и настолько своеобразны, что достойны занять мѣсто въ походныхъ лѣтописяхъ русскихъ войскъ.

Предполагая въ слѣдующей статьѣ представить движеніе оренбургскаго отряда отъ Эмбы до Хивы, я тѣмъ дамъ читателю возможность видѣть и самое примѣненіе въ походѣ всего того, что было сдѣлано. Все это тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что зима 1872—73 годовъ отличалась здѣсь небывалымъ обиліемъ снѣговъ, суровостью и продолжительными, ужасными буранами.

Распоряженіе о приготовленіяхъ къ походу было получено въ Оренбургѣ 21 декабря 1872 года, и тотчасъ же былъ составленъ комитетъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ и управленій, до которыхъ относилось это дѣло. Рѣшено было начать съ временно-квартировавшаго здѣсь 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, который по составленной дизоклаціи долженъ былъ 20 февраля прибыть въ Казалинскъ и поступить въ составъ туркестанскаго отряда; по этому расчету времени баталіонъ этотъ пришлось отправить изъ Оренбурга столь возможно ранѣе; но чтобы облегчить и сократить крайне трудный зимній походъ этого баталіона, распоряженіемъ оренбургскаго окружнаго начальства были сдѣланы въ здѣшнемъ полуарсеналѣ 235 саней, по 50 на роту, а 11 для офицеровъ были крытыя, въ видѣ возковъ, и всѣ вмѣстѣ стоили съ упряжью около 5800 руб.¹⁾ Въ эти сани были размѣщены люди баталіона по 4 человека на каждыя, со всѣми баталіонными тяжестями, путевымъ довольствіемъ и кромѣ того взято, для доставленія въ Казалинскъ, 169 тысячъ малокалиберныхъ металлическихъ патроновъ.

9-го января двинулся обозъ этого баталіона, а 20 января выступилъ первый эшелонъ, затѣмъ послѣдовательно 22-го, 24-го 26-го января вышелъ и весь баталіонъ. Весь путь этого баталіона, отъ Оренбурга до Терекли (въ предѣлахъ Тургайской области) былъ раздѣленъ на части, приблизительно по 60 верстъ, и это разстояніе назначалось суточнымъ переходомъ. Лошадей подъ свозъ, по 118 штукъ, выставляли на каждой станціи или переходѣ до Орска мѣстные жители, а отъ Орска до Терекли

¹⁾ За выставляемыхъ жителями губерніи и киргизами лошадей заплачено по расчету прогоновъ.

киргизы Тургайской области. Кромѣ того, такъ какъ отъ Орска начинается уже путь по степи, неимѣющей на всемъ пространствѣ жилья, то для укрытія людей отъ холода, вездѣ на почтовыхъ и промежуточныхъ станціяхъ, назначенныхъ по маршруту, киргизами Тургайской области, по распоряженію оренбургскаго начальства, были выставлены кибитки и топливо, а для казенныхъ лошадей, слѣдующихъ съ обозомъ,—сѣно; киргизами же, въ назначенныхъ по пути слѣдованія пунктахъ, доставлялся баталіону и порціонной скотъ. За все это, конечно, уплачивалось изъ отпущенныхъ войскамъ приварочныхъ (по $6\frac{3}{4}$ коп. на человѣка въ сутки) и фуражныхъ денегъ.

Въ назначенные дни, послѣ напутственныхъ молебновъ, эшелоны вышли въ путь. Слѣдованіе по Оренбургской губерніи производилось съ задержками, по случаю отсутствія на пути слѣдованія полицейскихъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ распорядителей, а чрезъ то и несвоевременной поставки мѣстными жителями лошадей; но несмотря на это, въ Орскъ баталіонъ прибылъ по маршруту. Отъ Орска же до Терекли, хотя и были сильнѣйшіе бураны и холодъ, доходившій до 30^0 , стрѣлки дошли по маршруту совершенно благополучно и 19-го февраля вступили въ Казалинскъ, оставивъ на всемъ пути только трехъ больныхъ и сдѣлавъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ походъ въ 1005 верстъ по степи! Нельзя не упомянуть, что во всей степи войска встрѣчали полное содѣйствіе мѣстной власти: юламейки, мясо, сѣно и топливо были вездѣ своевременно выставлены, и вообще киргизы и ихъ старшины, бии и другія власти оказывали особенное усердіе и готовность услужить войскамъ; когда же, въ Илецкомъ уѣздѣ, войска застигъ трехдневный буранъ, то киргизы добровольно предложили солдатамъ укрыться въ ихъ зимовыхъ стойбищахъ (родъ землянокъ); къ сожалѣнію, крайняя нечистота въ жилищахъ этихъ бѣдняковъ была причиной, что солдаты рѣшились потѣсниться и переночевать кое-какъ въ выставленныхъ кибиткахъ и не могли воспользоваться гостепріимствомъ, во всякомъ случаѣ, весьма знаменательнымъ и отраднымъ въ жизни нашихъ степныхъ дикарей.

Благополучное прослѣдованіе этого баталіона въ самое суровое время года свидѣтельствуешь, что русскій солдатъ, при малѣйшей заботливости и попеченіяхъ о немъ начальства, можетъ перенести всевозможныя лишенія и преодолѣть препятствія, которыя считаются даже выше силъ человѣка.

Одновременно съ приготовленіемъ къ походу баталіона стрѣльцоваго, начались приготовленія и къ выступленію въ мѣсто со-

средоточенія—въ Эмбенскій постъ, войскъ, назначенныхъ для оренбургскаго отряда. Трудъ этотъ преимущественно палъ на окружный штабъ и интендантство. Много нужно было опытности, энергіи, усердія и труда, чтобы все предвидѣть, не забыть самыхъ мельчайшихъ подробностей и устроить походъ такъ, чтобы солдаты въ состояніи были его сдѣлать.

Впрочемъ, для точнаго понятія о всемъ, что сдѣлано въ снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ для степного похода, а равно и въ снаряженіи ихъ, мы укажемъ ниже всѣ распоряженія, относившіяся до похода.

16-го февраля, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго епископомъ оренбургскимъ въ присутствіи главнаго начальника края, генераль-адъютанта Крыжановскаго (прибывшаго 28-го января нарочно изъ Петербурга для личныхъ распоряженій по снаряженію экспедиціи) и парада, выступили изъ Оренбурга 4 роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, 2 казачьи сотни, 6 орудій казачьей артиллеріи и прислуга отъ мѣстной артиллерійской команды къ четыремъ полупуд. мортирамъ и двумъ нарѣзнымъ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ, назначеннымъ на вооруженіе временнаго укрѣпленія, предназначаемаго возвести въ тылу отряда, и къ 6-ти ракетнымъ станкамъ. Пѣхота и пѣшая артиллерія слѣдовала на Эмбу чрезъ Илецкую защиту на Акъ-Тюбя, а 2 сотни и конная артиллерія, чтобы по одной дорогѣ не было слишкомъ большого накопленія людей и чтобы можно было заготовить сѣно, какъ для артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей, такъ и дляпрягаемыхъ въ подводы, на которыхъ ѣхала пѣхота,—должны были слѣдовать на Эмбу другой дорогой, вдоль рѣки Хобды ¹⁾. Всѣ эти войска отправлены въ трехъ эшелонахъ.

Изъ Орска, 25 февраля, въ четырехъ эшелонахъ выступили на Эмбу (406¹/₄ в.) чрезъ Акъ-Тюбя 5 ротъ 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона и 4 оренбургскія казачьи сотни, и, наконецъ, изъ Уральска, 24-го февраля, вышли на Эмбу же чрезъ Уиль (625¹/₂ вер.) три уральскихъ казачьихъ сотни. Всѣ пѣхотныя войска слѣдовали на поставленномъ интендантствомъ, чрезъ подрядчика, пароконныхъ подводахъ по 4 человѣка на каждой, имѣя при себѣ одинъ комплектъ боевыхъ патроновъ и по 1¹/₂ пуда на человѣка собственныхъ тяжестей (для путевого довольствія были подводы особо). Переходы были назначены до 40 верстъ въ сутки, казаки же слѣдовали форсированнымъ маршемъ.

¹⁾ По первому пути отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста считается 495 верстъ, а по второму 543 версты.

Артиллерія казачья и при ней одинъ комплектъ зарядовъ перевезены тоже на саняхъ, тѣла орудій, лафеты, колеса и зарядные ящики все особо; артиллерійскихъ же упряжныхъ лошадей повели въ поводу.

Для безостановочнаго слѣдованія войскъ до Эмбы и для возможнаго сбереженія людей и лошадей, а также для обезпеченія довольствія войскъ въ пути мясомъ, котораго приказано давать непременно по одному фунту на человѣка въ сутки, по распоряженію главнаго начальника Оренбургскаго края, на всемъ пути по киргизской степи Уральской и Тургайской областей, на ночлегахъ было выставляемо киргизами безвозмездно отъ 30—40 кибитокъ, изъ которыхъ снѣгъ обыкновенно вычищался и на землѣ разстилалось сѣно, а съ наружной стороны кибитки оканчивались снѣгомъ; топливо (кизякъ) доставлялось по 12 коп. пудъ въ такомъ количествѣ, чтобы тлѣющаго огня достало съ 5 час. вечера до 8 ч. утра слѣдующаго дня. Равно выставлялся киргизами для продажи на порціи скотъ и бараны по 25 коп. за фунтъ ¹⁾ и сѣно отъ 400—600 пуд. на каждомъ ночлегѣ по 30—50 коп. за пудъ (овса по 4 гарнца въ сутки всѣ лошади имѣли съ собой). Войска, по всему пути, сопровождали должностныя лица изъ киргизовъ, а на ночлегахъ эшелоны встрѣчались старшинами близлежащихъ ауловъ. Все же наблюденіе за тѣмъ, чтобы все было въ должной исправности, было поручено уѣзднымъ начальникамъ и ихъ помощникамъ. При отправленіи съ мѣста, войска, какъ регулярныя, такъ и иррегулярныя, снабжены отъ интендантства теплыми полушубками, мѣховыми воротниками, валенками, обшитыми кожей и третьей парой сапоговъ; кромѣ того, сахаромъ, чаемъ ($\frac{3}{4}$ фун. чая и 1 фун. сахара на 100 челов. въ сутки), спиртомъ (4 получары въ мѣсяцъ на человѣка), мѣдными чайниками, по одному на 10 человѣкъ и по 3 коп. на человѣка для заведенія чайной посуды, сушеной капустой (собственно казакамъ, а регулярныя войска завели ее на свои средства), подстилочной кошмой по $1\frac{1}{2}$ арш. на человѣка, экспедиціонными и противуцынготными вещами, всѣмъ до 7-ми мѣсяцевъ. Приварочныя деньги войска получили по $6\frac{3}{4}$ коп. въ сутки на человѣка ²⁾. Попеченіемъ самихъ войскъ, всѣ люди снабжены теплыми портянками и варежками, равно сдѣланы носилки для раненыхъ (по 2 на роту).

¹⁾ Скотъ или бараны и кибитки выставлялись и далѣе отъ Эмбы до крайнихъ предѣловъ нашей степи: до Чушкакуля и Каратамака.

²⁾ Всѣ офицеры получили невзачетъ полугодовой окладъ жалованья и сверхъ того натуральныя и денежныя раціоны по военному времени.

Вся пѣхота оренбургскаго отряда вооружена игольчатыми винтовками системы Карле, 6 оренбургскихъ и 1 уральская казачьи сотни имѣютъ 7-ми-линейныя наръзные драгунскія ружья, а двѣ уральскія сотни 6-ти-линейныя винтовки, казачья же артиллерія состоитъ изъ 4-хъ-фунт. съ казны заряжающихся пушекъ.

Въ степныхъ походахъ вообще, а въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства въ особенности, продовольствіе отряда и пріисканіе перевозочныхъ средствъ—верблюдовъ, представляетъ самую главную заботу и самое главное затрудненіе; затѣмъ на первомъ планѣ должно быть умѣнье сохранить въ пути здоровье людей, свѣжесть и бодрость перевозочныхъ животныхъ, такъ какъ въ этомъ заключается почти весь успѣхъ дѣла, ибо всѣ неудачи наши прошлыхъ лѣтъ имѣли причиною изнуреніе людей и гибель верблюдовъ и лошадей, потому-то здѣсь въ походахъ дѣлаются приспособленія въ одеждѣ, производится особое довольствіе вещами и пищей, опредѣляемой особымъ положеніемъ: «О военномъ устройствѣ въ киргизской степи», и даже выработана особая система походнаго движенія.

Такъ какъ при настоящихъ мѣстныхъ условіяхъ отряду необходимо имѣть съ собой на все время похода продовольствіе для людей, фуражъ, воду и прочіе предметы, о которыхъ будетъ сказано ниже, то очевидно, что выучный верблюжій обозъ состоитъ изъ громаднаго числа тяжестей и перевозочныхъ животныхъ, такъ что на двухъ человѣкъ отряда приходится по 1—2 верблюда, и весь отрядъ въ походѣ представляетъ скорѣе огромный вооруженный караванъ, чѣмъ движущіяся войска.

Всѣ войска, выступившія съ линіи, т.-е. изъ Оренбурга, Орска и Уральска, до Эмбенскаго поста, кромѣ вышеизложеннаго, снабжены по числу дней марша (на одинъ мѣсяць и на 7 дней въ запасъ) продовольствіемъ: сухарями, крупой, овсомъ, спиртомъ, чаемъ, сахаромъ и сушено-квашеной капустой.

Приварочныя деньги выданы интендантствомъ при выходѣ войскамъ, а отъ Эмбы и далѣе отпущена на этотъ предметъ находящемуся при отрядѣ чиновнику особая сумма по расчету приблизительно на 6 мѣсяцевъ; такимъ же образомъ устроено и фуражное довольствіе, а равно отпущены деньги на денежные и натуральные раціоны и жалованье и другое довольствіе войскъ. Для указанія пути войскамъ и для посылокъ, при отрядѣ находятся вожаки и чабары и вызваны изъ Тургайской и Уральской областей 100 челов. джигитовъ въ видѣ волонтеровъ, изъ числа наиболѣе богатыхъ и надежныхъ киргизовъ.

Въ Эмбенскомъ посту, для обезпеченія отряда въ дальнѣй-

шемъ движеніи его заготовлено слѣдующее по части интендантской.

За неимѣніемъ въ войскахъ оренбургскаго округа обыкновенныхъ лагерныхъ палатокъ, здѣсь употребляютъ вообще въ степныхъ походахъ, такъ-называемыя, «юламейки». Стѣнки этихъ походныхъ жилищъ (а киргизы живутъ въ нихъ круглый годъ) состоятъ изъ 40 крестообразныхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш.; палки эти укрѣпляются въ пяти мѣстахъ сыромятными ремнями. Кромѣ этого, изъ трехъ такихъ же палокъ образовывается дверной косякъ. Верхъ юламейки (въ формѣ конуса) состоитъ изъ 20-ти прямыхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш. 6 вершк. Всѣ эти палки скрѣпляются сверху ремнемъ вмѣстѣ съ крестообразными поперечинами въ 6 вершк. (для увязки означенныхъ палокъ съ поперечинами употребляется сыромятный ремень). Въ нижнемъ концѣ каждой палки приделываются хомутки изъ толстой бичевы.

Установленный такимъ образомъ остовъ, или основаніе юламейки, покрывается кошмою (войлокъ мѣстной киргизской работы) какъ съ боковъ, такъ и сверху, причемъ самый конусъ юламейки обшивается на четверть кожей. Для укрѣпленія юламейки дѣлается въ срединѣ желѣзный приколь съ кольцами, длиною въ $1\frac{1}{2}$ четверти, и къ нему веревка на аршинъ длиннѣе пространства отъ остроконечной части верха юламейки до прикола и въ двойномъ количествѣ. Входъ въ юламейку прикрывается однимъ концемъ боковой кошмы. Кошма для юламейки должна имѣть полотно не короче 5-ти арш. и мѣряться на погонную въ 3 арш. сажень. Шириною кошма должна быть не менѣе $2\frac{1}{4}$ арш. Построенная такимъ образомъ юламейка имѣетъ 15 арш. въ окружности и назначается обыкновенно на 10 человѣкъ. Для всего отряда отпущено такихъ юламеекъ 372 штуки (командирамъ баталіоновъ со штабами дано по 3 юламейки, командирамъ ротъ и сотенъ по 1-й, а прочимъ офицерамъ на троихъ по одной). Кромѣ того походному штабу и его отдѣламъ отпущено 19 юламеекъ.

Для продовольствія отряда при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста и слѣдованія съ нимъ заготовленъ и доставленъ изъ Оренбурга и Орска на Эмбу запасъ продуктовъ состоящій изъ

Сухарей	2,522 четверти.
Крупъ	434 »
Овса	6,739 »
Спирта	312 ведръ.
Чаю	4,595 ф. 77 зол.
Сахару	344 п. 3 ф. 38 зол.
Сушено-квашеной капусты . .	50 пудовъ.

Съ этимъ количествомъ весь оренбургскій отрядъ будетъ удовлетворенъ: сухарями, крупой и овсомъ на 80 дней, чаемъ, сахаромъ и капустой на 6 мѣсяцевъ, а спиртомъ по 1-е мая (съ 1-го мая по 1-е сентября вмѣсто спирта будетъ чай).

Для приварка, на который отпущено, какъ сказано выше, по 6³/₄ коп. и сдѣлано распоряженіе о выставкѣ киргизами для продажи порціоннаго скота, отпущены еще, на'случай, еслибы нельзя было достать мяса, разные консервы, которые были нарочно съ соотвѣтствующими наставленіями о употребленіи ихъ высланы изъ Петербурга:

Картофельной крупы — профессора Киттары . . .	4,000	порцій.
Сухихъ щей — доктора Данилевскаго	663	>
Сухарей для щей — князя Долгорукова	5,577	>
Мясного экстракта — Либиха	2,500	>

Относительно довольствія лошадей было сказано выше, но имѣя въ виду, что могутъ встрѣтиться случайности, вслѣдствіе которыхъ нужно будетъ давать лошадямъ усиленную дачу овса, въ Эмбенскомъ посту заготовлено его 1,500 четвертей, изъ коихъ 1000 четвертей должны слѣдовать при отрядѣ вмѣстѣ съ 80-дневнымъ запасомъ довольствія, а 500 четвертей останутся на Эмбѣ для запаса.

Наконецъ, весь отрядъ снабженъ экспедиціонными вещами. Экспедиціонныя вещи имѣютъ у насъ свою исторію, которая состоитъ въ томъ, что на снаряженіе изъ Оренбурга въ степь отрядовъ, по причинѣ необходимости заводить весьма многіе предметы, крайне необходимые для войскъ идущихъ въ степь, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій, и которыхъ не полагалось ни въ табеляхъ о довольствіи и снаряженіи войскъ, ни въ законоположеніяхъ о томъ, — съ давнихъ временъ отпускалась ежегодно въ распоряженіе бывшаго командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса особая сумма въ 25 т. руб. Въ 1867 году отпускъ этой суммы однако прекращенъ, и всѣ расходы, которые падали на эту сумму, повелѣно относить, или вѣрнѣе примѣнять на соотвѣтствующіе §§ интендантской смѣты; такимъ образомъ, заведеніе нѣкоторыхъ экспедиціонныхъ вещей начали относить на § 3-й этой смѣты. Для опредѣленія же нормы всѣхъ этихъ вещей, а равно и для точнаго уясненія всего необходимаго, была составлена особая коммиссія, которая составила подробную табель, на основаніи которой, хотя она еще и не утверждена законодательнымъ порядкомъ, руководствуются при снаряженіи степныхъ отрядовъ. На основаніи этой табели, для оренбургскаго отряда от-

пущены нижеозначенныя экспедиціонныя вещи въ слѣдующемъ количествѣ (въ числѣ этихъ вещей находятся еще вещи, предназначенныя собственно для предупрежденія цынготной болѣзни, весьма распространенной въ степи):

Котловъ чугунныхъ съ тап-	
ми же крышками	80 штукъ.
Тагановъ желѣзныхъ	80 »
Уполовниковъ	80 »
Ковшей	80 »
Ведеръ желѣзныхъ	160 »
Ножей кухонныхъ	50 »
Топоровъ	136 »
Вилокъ	80 »
Мотыгъ	136 »
Кирокъ	136 »
Лопать желѣзныхъ	400 »
Гвоздей одготесу	800 »
Ливеровъ бѣлой жести	20 »
Косъ съ принадлежностями	90 »
Горбушей	120 »
Корытъ желѣзныхъ	120 »
Бочать въ 3 ведра	34 »
Чарокъ бѣлой жести	112 »
Баклагъ для воды въ 4 ве-	
дра каждая	8723 »
(Для пѣхоты по 1 на 20, а для кавалеріи по 1 на 10 чел.).	
Къ нимъ вороновъ	163 »
Лопать деревянныхъ	204 »
Бредней	5 »
Мѣдныхъ мѣръ въ 1/4 ведра	19 »
Рогожъ	1868 »
Веревокъ	5111 сажень.
Чайниковъ мѣдныхъ	340 штукъ.
(вѣсящихъ 2040 фунтовъ).	
Вѣсовъ	20 »
Баковъ деревянныхъ	100 »
Ложекъ деревянныхъ	1000 »
Перцу зернистаго	5 пуд. 5 фун.
Уксусной эссенціи	1020 бутыловъ.
Соли поваренной	253 пуда.
Круту *)	800 »
Мыла простого	253 »

*) Крутъ — овечій сыръ, киргизской выдѣлки, имѣющій свойство утолять жажду: кусочекъ его киргизы разводятъ въ водѣ и пьютъ, или просто кладутъ въ ротъ и сосутъ. Вкусъ крута солоновато-кислый.

Табакъ курит. простого . . .	501 пудъ.
Луку рѣпчатого	306 »
Хрѣну сушенного	15 » 15 фун.
Перцу стручковаго	10 » 10 »

Кромѣ всего этого оренбургское мѣстное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, желая съ своей стороны улучшить бытъ больныхъ и раненыхъ, могущихъ поступить въ подвижные при отрядахъ госпитали, заготовило на свои средства на 50 человѣкъ госпитальнаго бѣлья, приготовило 3 лазаретныя повозки, по особому образцу, и купило въ достаточномъ количествѣ чай, сахаръ, сгущенное молоко, клюквенную эссенцію, ромъ, коньякъ, хересъ, сигары, табакъ, папиросы, всѣ канцелярскія принадлежности для писемъ, шашечницы, разные книги и журналы и много другихъ необходимыхъ вещей, поручивъ все это особому уполномоченному своему, въ распоряженіе котораго Общество ассигновало еще на расходы 3000 руб.

Кромѣ удовлетворенія всѣхъ войскъ, при выступленіи ихъ съ мѣста, полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и снарядовъ, положенныхъ по закону, въ Эмбенскомъ посту образованъ, для дальнѣйшаго слѣдованія съ отрядомъ, артиллерійскій паркъ, въ которомъ находилось:

Боевыхъ патроновъ къ игольчатымъ винтовкамъ	334,800
» » » 6-ти-линейнымъ	23,200
» » » 7-ми-линейнымъ драгунск.	81,200
» » » пистолетамъ	270

Капсюлей ружейныхъ 125,700

Снарядовъ къ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ съ казны заряжающимся:

Обыкновенныхъ гранатъ 600

Зажигательныхъ 120

Картечныхъ шарохъ 530

» гранатъ прежнихъ 190

Картечей соединенныхъ съ зарядами 120

Снаряженныхъ полупуд. гранатъ къ мортир. . . 600

Зарядовъ въ 1½ ф. 1271

» для навѣсной стрѣльбы 480

» » мортиръ 1200 полн. (гранатъ особо) 1200

Боевыхъ ракетъ 750

» » 2-хъ-дюймов. съ приводами . . . 220

Пороху артиллерійскаго 15 пуд.

Къ двумъ пушкамъ 4-хъ-фун. нарѣзнымъ съ дула заряжающимся:

Зарядовъ съ обыкновенными гранатами 140

» » картечными » 110

» » картечью 50

и кромѣ того, всѣ необходимыя для артиллерійской лабораторіи и снаряженія принадлежности.

По части инженерной войска оренбургскаго отряда были снабжены 8-ю трубчатыми колодцами, а для облегченія переправъ, во время движенія по хивинской территоріи, изрѣзанной каналами, двумя разборчатыми мостами, однимъ на козлахъ, а другимъ понтоннымъ. Для разбора, наводки и сборки этихъ мостовъ, кромѣ 4-хъ саперныхъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ при отрядѣ, обучены еще при оренбургской инженерной дистанціи 32 рядовыхъ и 4 унтеръ-офицера отъ 1-го линейнаго баталіона. Кромѣ того, взятъ полный комплектъ всѣхъ необходимыхъ инженерныхъ инструментовъ и матеріаловъ для возведенія полевыхъ укрѣпленій.

По недостатку въ степи лечебныхъ учрежденій и по случаю сосредоточенія значительнаго числа войскъ за Эмбой, сдѣланы слѣдующія распоряженія: учрежденъ центральный на 50 человекъ подвижной лазаретъ, который будетъ слѣдовать при отрядѣ. Лазаретъ этотъ снабженъ всѣми госпитальными припасами, противуцѣпготными средствами и другими вещами, въ шестимѣсячной пропорціи. Для помѣщенія больныхъ этого лазарета отпущено 12 кибитокъ съ желѣзными печами. Кромѣ этого, всѣ войска снабжены лазаретными вещами по штатному составу, лазаретъ же Эмбенскаго поста увеличенъ на 15 мѣстъ.

IV.

Несмотря на огромные снѣга, морозы, бураны и ужасное состояніе дороги отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста, такъ что даже командующій войсками отряда долженъ былъ бросить на дорогѣ свой экипажъ и слѣдовать въ перекладныхъ саняхъ, всѣ войска совершенно благополучно прибыли въ постъ 18-го марта, не имѣя ни одного ознобившагося и всего до 45-ти человекъ больныхъ. Транспорты съ артиллерійскими и интендантскими тяжестями двигались съ большимъ затрудненіемъ, иногда по цѣлымъ часамъ не имѣя возможности выбраться изъ какого-нибудь ухаба, перевозочныя животныя до того изнурились, что бѣольшая часть тяжестей должна была остаться на дорогѣ и только въ концѣ марта доставлена въ Эмбенскій постъ.

Когда отрядъ уже выступилъ изъ Оренбурга, было получено съ Кавказа свѣдѣніе, что одинъ мангишлякскій наибъ по имени Кафаръ Караджигитовъ, братъ котораго, Калбинъ (одинъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ возмущенія адаевцевъ въ 1870 году),

живетъ въ Хивѣ и пользуется особенною милостью хана, по наущенію послѣдняго, дѣйствовавшаго чрезъ посредство Калбина, рѣшился взволновать населеніе всего Мангишлака, для чего собравъ, 26-го минувшаго января, ближайшіе аулы, объявилъ имъ, что русскіе намѣрены, будто бы, потребовать съ населенія громадное количество разнаго скота, что въ конецъ разорить киргизовъ, а потому, именемъ хана, убѣждалъ адаевцевъ немедленно откочевать къ хивинскимъ предѣламъ, гдѣ они найдутъ убѣжище, а всѣ сардари и бии будутъ щедро награждены. Въ противномъ случаѣ, Кафаръ грозилъ, съ помощью хивинцевъ, предать всѣ аулы огню и мечу, не щадя ни женъ, ни дѣтей.

Устрашенные этими угрозами, несчастные киргизы поспѣшно начали спасаться съ своими стадами на Усть-Уртъ, несмотря на суровое время года, грозившее гибелью ихъ скота, составляющаго главнѣйшее богатство населенія. Необходимо было, какъ можно быстрѣе, предупредить обманутыхъ адаевцевъ отъ бѣдственныхъ послѣдствій бѣгства ихъ на Усть-Уртъ и не дать распространиться волненію.

Съ этою цѣлью, начальникъ мангишлакскаго отряда, полковникъ Ломакинъ, выступившій за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Александровскаго форта съ небольшимъ отрядомъ, и получившій на пути извѣстіе объ измѣнѣ Кафара, тотчасъ же двинулся на Бузачи, гдѣ кочуютъ самыя дикія адаевскія отдѣленія. У залива Кара-кичу (южная часть Кайдакскаго залива) отрядъ встрѣтилъ множество ауловъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ головъ скота, вереницею тянувшихся по направленію къ Усть-Урту. Посланные впередъ казаки успѣли частью успокоить кочевниковъ и уговорить вернуться на свои зимовки. Толпа же въ 400 человѣкъ киргизовъ, предводимая двумя изъ родственниковъ и сообщниковъ Кафара, не послушавъ мирныхъ увѣщаній, бросились съ пиками и топорами на терскихъ казаковъ, которые, однако, несмотря на свою малочисленность (68 человѣкъ), сами бинулись на встрѣчу съ кинжалами и мгновенно разсѣяли ее. Стоявшія, во время этого дѣла, на окрестныхъ горахъ массы народа оставались совершенно безучастными зрителями и, несмотря на призывные крики сражавшихся киргизовъ, не трогались съ мѣста.

Послѣ этого дѣла, полковникъ Ломакинъ усиленными переходами продолжалъ движеніе на Бузачи, гдѣ присоединилъ къ себѣ сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, у которой обманомъ отогнанъ былъ ночью пасшійся въ степи табунъ лошадей, и затѣмъ вернулся въ фортъ.

И въ настоящемъ случаѣ фактъ участія и подстрекательства Хивы въ произведенномъ волненіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Несмотря на самыя разумныя мѣры мѣстной администраціи и даже на сознаніе самого населенія въ гибельныхъ для него послѣдствіяхъ подобныхъ безпорядковъ, трудно оградить легковѣрныхъ киргизовъ отъ вліянія злонамѣренныхъ людей, поддерживаемыхъ сосѣднимъ ханствомъ, доколѣ отношенія наши къ нему не будутъ поставлены въ болѣе опредѣленное положеніе.

Въ виду такого положенія дѣлъ и такъ какъ съ движеніемъ нашихъ войскъ противъ Хивы юго-западная часть нашей Тургайской области была бы совершенно открыта со стороны Усть-Урта отъ набѣговъ хищническихъ шаекъ, которыя могли бы вновь волновать киргизовъ, если бы между Эмбою и Аральскимъ моремъ, равно между Каспійскимъ и Аральскимъ морями не будутъ выставлены наблюдательные отряды, а также и для охраненія тыла оренбургской экспедиціи, генераль Крыжановскій приказалъ: 1) на Самѣ, какъ промежуточномъ пунктѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и удобномъ для наблюденія этого пространства, выставить наблюдательный постъ изъ 1¹/₂ сотенъ казаковъ, состоящихъ на службѣ въ степныхъ укрѣпленіяхъ и одной роты, которая должна быть отдѣлена отъ отряда генерала Веревкина по соединеніи его съ кавказскими войсками; 2) на Джебыскѣ—пунктѣ, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать прорывъ шайкамъ на орско-казалинскій трактъ, поставить одну сотню казаковъ, и 3) назначить въ распоряженіе начальника Иргизскаго уѣзда тоже одну сотню казаковъ, для наблюденія за мугоджарскими горами и барсуками. Между всѣми этими пунктами будетъ во все время производиться сношеніе чрезъ безпрестанно высылаемые разъѣзды.

Что же касается до обезпеченія отряда довольствіемъ, по выходѣ его изъ Эмбенскаго поста, то такъ какъ по соглашенію съ генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ полагалось, что обезпеченіе отряда въ предѣлахъ хивинскаго ханства будетъ найдено на мѣстѣ, то заботы оренбургскаго начальства въ этомъ отношеніи должны были ограничиться лишь обезпеченіемъ отряда довольствіемъ до прихода его въ ханство и заготовленіемъ такового для обратнаго слѣдованія изъ Хивы, которое предполагается въ августѣ.

Такимъ образомъ, при выступленіи отряда 30-го марта съ Эмбенскаго поста будетъ взято, кромѣ всѣхъ экспедиціонныхъ вещей, продовольствіе на путь: сухарей и крупъ на 2¹/₂ мѣсяца или даже на 105 дней (смотря потому, сколько будетъ въ сборѣ

верблюдовъ) и на 2—2¹/₂ мѣсяца овса. Считая отъ Эмбы до Хивы 40—45 дней ходу, весь отрядъ будетъ по этому расчету обеспеченъ и по приходѣ въ предѣлы ханства еще мѣсячнымъ запасомъ.

10-го апрѣля изъ Эмбенскаго поста, на 907 верблюдахъ, выйдетъ новый транспортъ съ мѣсячнымъ запасомъ провіанта и полумѣсячнымъ овса. Запасъ этотъ будетъ доставленъ на Ургу, гдѣ предполагается возвести временное полевое укрѣпленіе на 1—2 роты съ казаками и артиллеріей для обезпеченія тыла оренбургскаго отряда.

Здѣсь, то-есть на Ургѣ, будутъ оставлены всѣ освободившіеся отъ тяжестей верблюды, которые слѣдовали съ отрядомъ, и на нихъ-то предполагается доставлять отъ ургинскаго продовольственнаго склада провіантъ и фуражъ къ отряду, а тѣ 907 верблюдовъ, которые доставятъ запасъ, возвратятся обратно на Эмбу и вновь по расчету 25-го мая и 1-го іюня выйдутъ изъ Эмбы въ Ургу съ запасомъ двухъ-мѣсячнаго продовольствія сухарей, крупъ и овса, которые въ крайнемъ случаѣ и обезпечатъ весь отрядъ до 15-го сентября. Все это передвиженіе, конечно, будетъ совершаться подъ прикрытіемъ казаковъ, для чего сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія; отъ Урги же до отряда продовольственный транспортъ пойдетъ подъ прикрытіемъ одной роты, двухъ сотенъ и двухъ орудій.

При оренбургскомъ отрядѣ для научныхъ цѣлей командированъ изъ окружнаго штаба геодезистъ и топографъ, а также состоитъ по Высочайшему повелѣнію генеральнаго штаба офицеръ, для составленія изслѣдованій торговаго и экономическаго значенія всего закаспійскаго края и аму-дарьинскаго бассейна, что, конечно, весьма важно, въ виду могущихъ послѣ хивинской экспедиціи значительно развиваться торговыхъ сношеній нашихъ съ персидско-средне-азиатскимъ рынкомъ.

Русское географическое общество тоже не осталось безучастно при настоящей экспедиціи и составило весьма подробное указаніе для физическаго наблюденія, для собиранія свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, относящимся до общей географіи, до изслѣдованія по части исторической географіи, до собиранія рукописей и монетъ, до наблюденія по части этнографіи и до наблюденія надъ экономическимъ и культурнымъ состояніемъ населенія хивинскаго оазиса.

Изъ предшествовавшаго описанія снаряженія отряда легко можно видѣть, сколько тутъ положено было труда, заботъ и средствъ, но чтобы дать хотя приблизительное общее о томъ понятіе,

скажу, что для доставленія на Эмбенскій постъ изъ Оренбурга продовольственныхъ припасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, экспедиціонныхъ вещей, медикаментовъ и вообще всѣхъ тяжестей, высылаемыхъ для отряда и вѣсящихъ 56,464 пуда, да таковыхъ же припасовъ, отправленныхъ на Эмбу же изъ Орска и вѣсящихъ 35,987 пудовъ, потребовалось, кромѣ значительнаго числа конныхъ подводъ, до двухъ тысячъ верблюдовъ, запряженныхъ въ сани (на каждыя сани клалось отъ 17 до 22 пудовъ), да кромѣ того, изъ Оренбурга и Орска для перевозки 4-хъ ротъ 1-го и 5-ти ротъ 2-го линейныхъ баталіоновъ и мѣстной артиллерійской команды, а равно для больныхъ, могущихъ быть въ казачьихъ сотняхъ, вмѣстѣ съ тяжестями и путевымъ продовольствіемъ для этихъ войскъ, составляющимъ 13,442 пуда, потребовалось 545 пароконныхъ подводъ (кромѣ подводъ для своза изъ Оренбурга до Эмбы шести орудій казачьей артиллеріи съ принадлежностями и другими при нихъ тяжестями, вѣсящими до 1,400 пудовъ).

Въ Эмбенскомъ посту контрагентъ обязанъ былъ выставить ко дню выхода отряда, для поднятія и перевозки за войсками 80-ти-дневнаго запаса продовольствія, фуража и всѣхъ другихъ тяжестей отряда, 4970 верблюдовъ (изъ Эмбы всѣ тяжести будутъ слѣдовать на выюкахъ верблюдовъ, на cadaго верблюда полагается тяжести до 17-ти пудовъ)¹⁾.

Затѣмъ, тотъ же контрагентъ обязанъ доставить въ Эмбенскій постъ къ назначенному времени еще 1,405 верблюдовъ²⁾, для поднятія и перевозки на складочный пунктъ, въ тылу отряда, вслѣдъ за выступленіемъ его, какъ сказано выше, еще мѣсячный запасъ продовольствія, до 24-хъ тысячъ пудовъ.

Цѣны за перевозку вообще всѣхъ тяжестей изъ Оренбурга (495 верстъ) и изъ Орска ($406\frac{1}{4}$ версты), до Эмбенскаго поста утверждены военно-окружнымъ совѣтомъ по 1 руб. 50 коп. съ пуда за все разстояніе, а изъ Уральска туда же (584 версты) по 1 руб. $76\frac{3}{4}$ коп. съ пуда.

За подводы подъ свозъ нижнихъ чиновъ по 60 руб. за каждую пароконную подводку.

За наемъ верблюдовъ, на которыхъ будутъ слѣдовать, какъ выше сказано, всѣ тяжести и продовольствіе отряда, при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста, утверждена цѣна за первые два

¹⁾ На каждыхъ 5—7 верблюдовъ полагается по одному верблюдовожатому киргизу.

²⁾ Само собой разумѣется, число верблюдовъ будетъ еще больше, ибо нужно имѣть непременно сверхъ требуемыхъ контрактомъ еще и запасныхъ.

съ половиною мѣсяца по 23 руб., а послѣдующіе по 18 руб. въ мѣсяць за cadaго.

За верблюдовъ же, нанятыхъ подъ свозъ мѣсячнаго запаса продовольствія изъ Эмбенскаго поста на пункты въ тылу отряда, по 23 руб. въ мѣсяць за cadaго.

Кромѣ этихъ расходовъ и тѣхъ, которые пали на смѣты интендантства, израсходовано по 1-е апрѣля изъ 200 тысячъ, отпущенныхъ въ распоряженіе генерала Крыжановскаго:

Въ пособіе чинамъ отряда, закупку подарочныхъ вещей, сдѣланіе саней и упряжи для своза войскъ, приобрѣтеніе подъ свозъ вещей, денегъ и конвоя экипажей, на прогоны нѣкоторымъ чинамъ и разныя другіе расходы	117,740 р. 53 к.
За перевозку изъ Оренбурга и Орска въ Эмбенскій постъ на подводахъ войскъ.	18,402 » — »
На усиленную дачу нижнимъ чинамъ спирта	2,089 » — »
На заготовленіе сушено-квашеной капусты для казачьихъ частей и лазарета.	3,021 » 52 »
На теплую одежду казачьимъ частямъ.	10,487 » 55 »
На заготовленіе баклагъ для воды	21,742 » 32 »
Чабарамъ, за доставку свѣдѣній въ пути слѣдованія отрядовъ, телеграммы, пересылку почтъ и прочіе почтовые расходы	2,255 » 90 »
На приспособленіе коюшни въ Эмбенскомъ постѣ для временнаго квартированія войскъ отряда, во время перехода ихъ чрезъ этотъ постъ употреблено	528 » — »
Итого	176,275 р. 82 к.

Предъ выступленіемъ отряда въ походъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій отдалъ по округу слѣдующій приказъ:

«Предписываю начальникамъ войскъ, входящихъ въ составъ отряда, высылаемаго отъ ввѣреннаго мнѣ округа, къ берегамъ Аральскаго моря, обратить особенное вниманіе на знаніе всѣми подвѣдомственными имъ чинами правилъ сторожевой службы, равно и на строгое ихъ соблюденіе при походныхъ движеніяхъ и остановкахъ ввѣренныхъ имъ войскъ отъ Эмбенскаго поста далѣе по назначенію, какъ необходимаго условія для обезпеченія себя отъ печальныхъ нападеній со стороны хищниковъ и для сохраненія въ цѣлости своего обоза, продовольственныхъ припасовъ, транспортныхъ животныхъ и казачьихъ табуновъ.

«Въ то же время, имѣя въ виду, что для успѣха дѣйствій отряда, при встрѣчѣ съ непріателемъ, необходимо, чтобы войска дошли до него свѣжими и бодрыми, предписываю всѣмъ начальникамъ частей, не исключая и младшихъ, а равно и находя-

щимся при войскахъ врачамъ, обратить самое строгое вниманіе на все, что можетъ сберечь здоровье и сохранить силы и бодрость духа ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Въ этихъ же видахъ принять надлежащія мѣры, чтобы пища нижнихъ чиновъ была сколько можно болѣе питательна и здорова, чтобы мясо давалось, непременно, не менѣе одного фунта въ сутки на человека, не исключая и въ постные дни, а также чтобы оно было всегда свѣжее и хорошаго качества.

«Вмѣняю также въ обязанность начальникамъ частей обращать должное вниманіе на сохраненіе въ надлежащей исправности во ввѣренныхъ имъ частяхъ какъ холоднаго, такъ особенно огнестрѣльнаго оружія, а равно и на умѣнье подвѣдомственными имъ нижними чинами обращаться съ своимъ оружіемъ.

«Дабы казачьи сотни во время похода находились постоянно въ возможно-полномъ составѣ, предписываю какъ главному начальнику отряда и начальнику кавалеріи, такъ и сотеннымъ начальникамъ, имѣть постоянно наблюденіе, чтобы отъ казачьихъ сотенъ не дѣлался нарядъ вѣстовыми къ лицамъ и мѣстамъ, коимъ таковыхъ не положено имѣть по закону, а также и въ другія нестроевыя должности.

«Главному же начальнику отряда предлагаю, передъ выступленіемъ изъ Эмбенскаго поста, утвердить нарядъ вѣстовыхъ, какъ отъ пѣхоты, такъ и отъ казаковъ и батареи, въ отрядный штабъ, управленія онаго и въ другія мѣста, ограничивъ его самою крайнею необходимостію и имѣя въ виду, что строевымъ офицерамъ дозволяется давать вѣстовыхъ изъ тѣхъ частей, въ какихъ они состоятъ, въ томъ случаѣ ежели они не имѣютъ деньщиковъ. Для того же, чтобы чины, наряжаемые вѣстовыми, не отставали отъ фронта, требовать, чтобы они перемѣнялись, ежели не каждый день, то непременно чрезъ нѣсколько дней. Засимъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы сверхъ утвержденнаго главнымъ начальникомъ отряда наряда, вѣстовыхъ ни въ какомъ случаѣ никуда не наряжать.

«Предписываю также наказнымъ атаманамъ оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ обратить строгое вниманіе, чтобы всѣ строевые казаки при выступленіи съ линіи въ степной походъ имѣли вполнѣ способныхъ и надежныхъ къ службѣ лошадей. Для безотлагательной же замѣны на мѣстѣ строевыхъ лошадей, утраченныхъ въ походѣ казаками по случаямъ, указаннымъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1870 г., за № 275, предлагаю наказнымъ атаманамъ отпустить изъ войскового военного капитала въ вѣдѣніе командировъ сотенъ на вышеупомя-

нутый предметъ примѣрную сумму денегъ; издержанныя же на покупку утраченныхъ лошадей деньги будутъ возвращены, на основаніи вышеупомянутаго приказа № 275, изъ экстраординарной суммы.

*Для уменьшенія обоза, слѣдующаго при войскахъ, разрѣшаю имѣть въ походѣ офицерскихъ повозокъ: генераламъ не болѣе двухъ, штабъ-офицерамъ по одной, а оберъ-офицерамъ одну на двоихъ, причемъ предлагаю главному начальнику отряда, при выступленіи войскъ съ Эмбенскаго поста, повѣрить находящійся при нихъ офицерскій обозъ.

*Объявляя о вышеизложенномъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ округа, остаюсь вполне увѣреннымъ, что всѣ чины экспедиціоннаго отряда, высылаемаго изъ оренбургскаго военного округа, при соблюденіи всѣхъ изложенныхъ выше условій и строгомъ, добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, окончатъ предстоящій имъ нелегкій походъ — вполне успѣшно и со славою, исполнивъ тѣмъ священную волю Государя Императора».

Ө. Ловысевичъ.

Оренбургъ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

И

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПОХОДА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Къ 18 марта почти весь отрядъ Оренбургскаго округа собрался въ Эмбенскомъ постѣ, не прибыла только большая часть тяжестей, которая необходимость заставила разбросать почти по всей дорогѣ по причинѣ ужаснаго пути, глубокаго снѣга и бурановъ. Иногда по нѣскольکو часовъ не было возможности выбраться съ повозкой изъ рытвинъ и ухабовъ, такъ что эшелоны останавливались и помогали вытаскивать повозки. Несмотря на крайне утомительный и тяжелый переходъ, всѣ люди были веселы и здоровы; лишь нѣсколько человѣкъ страдали болѣзною глазъ отъ яркаго отраженія солнечныхъ лучей на снѣговой степи и отъ дыма въ кибиткахъ. До 26 числа марта, подвозили отставшія тяжести, а люди упражнялись въ стрѣльбѣ и приготавливались къ предстоящему походу. 26 марта выступилъ авангардъ въ составѣ 2-хъ казачьихъ сотенъ и 25 человѣкъ саперной команды отъ 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона, которому приказано, поднявшись на Усть-Уртъ, остановиться на уроч. Арысь-Бурте и въ ожиданіи главныхъ силъ отряда выслать разъѣзды къ уроч.

*) См. выше: авг. 583 стр.

Джебыске и мысу Чаграй. На обязанность авангарда былъ возложенъ также предварительный осмотръ и приведеніе по возможности въ порядокъ путей.

Нѣсколько солнечныхъ дней въ мартѣ еще болѣе испортили путь, такъ, что авангардъ испытывалъ неимовѣрные затрудненія, переходя по оврагамъ, въ которыхъ было до $2\frac{1}{2}$ арш. снѣгу подтаявшаго снизу и столь рыхлаго, что люди и лошади буквально утопали въ немъ; къ тому же совершенная безкормица и очень сильныя морозы по ночамъ и утромъ до того изнуряли верблюдовъ, что животныя едва волокли ноги и съ трудомъ поднимали грузъ въ 17 пудовъ. 30-го марта вышелъ изъ Эмбенскаго поста и весь отрядъ, а 31 транспортъ съ продовольствіемъ и другими тяжестями отряда, подъ прикрытіемъ одной роты и двухъ сотенъ. Весь запасъ продовольствія, вышедшій съ этимъ транспортомъ, состоялъ изъ провіанта на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, по 15 іюня, и овса на 2 мѣсяца по 5 іюня, сверхъ того, запасъ его еще въ 500 четвертей. Затѣмъ 1-й тыльный запасъ (провіанта на мѣсяць и овса на $\frac{1}{2}$ мѣсяца), а также часть тяжестей, не взятыхъ за недостаткомъ въ Эмбенскомъ постѣ нужнаго количества верблюдовъ, выступили въ концѣ мая, а 2-й тыльный запасъ двухъ-мѣсячной пропорціи провіанта и овса и сверхъ того 1000 четвертей на случай замѣны сѣномъ, вышелъ изъ Эмбы 15 іюня. Съ полученія его весь отрядъ обезпечивался по 15 сентября. Оба эти транспорта конвоировались казачьими сотнями.

Вмѣстѣ съ выступленіемъ нашего отряда, изъ Хивы получено было свѣдѣніе, что по всему ханству собираютъ людей, снабжаютъ каждого лошадыю, саблей и ружьемъ; сборнымъ пунктомъ ихъ къ сторонѣ Оренбургской степи были назначены окрестности Кунграда, откуда ихъ перевели въ Джаны-Калы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ отправилъ чрезъ Чамбай въ Казалинскъ посланца и съ нимъ 21 человекъ нашихъ плѣнныхъ. Вскорѣ стало извѣстно и то, что Аральская флотилія, которая должна была подойти къ юго-западному берегу моря для открытія сообщенія съ оренбургскимъ отрядомъ, за неимѣніемъ топлива не можетъ направиться по этому пути, а потому отправлена прямо къ устьямъ Аму-Дары.

4-го апрѣля, отрядъ нашъ послѣ дневки на Аты-Джаксы, едва сдѣлавъ 65 верстъ отъ Эмбенскаго поста, достигъ горы Намазъ-тау; сначала глубокій снѣгъ, потомъ сильная грязь изнуряли верблюдовъ, страдавшихъ еще и отъ безкормицы; переходы чрезъ лощины, наполненныя водой, возможны были только утромъ, когда вода нѣсколько спадала. На каждомъ переходѣ по нѣскольку

312

десятковъ верблюдовъ ложились, и приходилось бросать ихъ, перевозя тяжести на запасныхъ; смѣнить ихъ свѣжими не было возможности, такъ какъ по всему пути слѣдованія и въ окрестностяхъ не было кочевовъ и жилья.

Какъ вообще въ степи, зима быстро смѣняется лѣтомъ, здѣсь промежутка, называемаго весной, совсѣмъ не бываетъ и отъ сильнѣйшаго холода переходъ къ такому же зною, явленіе обыкновенное: отъ 12⁰/о морозу въ началѣ апрѣля, къ 17 числу того же мѣсяца жаръ доходилъ уже до 36⁰ Реом. Къ 11 апрѣля дороги уже совершенно высохли и движенія войскъ значительно облегчились, къ тому же показавшійся кормъ много освѣжилъ выючныхъ животныхъ. 11 апрѣля отрядъ достигъ уроч. Арысь, на Усть-Уртѣ, далѣе отрядъ двигался до уроч. Исенъ-Чагыль у южной оконечности песковъ «Большіе Барсуки», не вдалекѣ отъ сѣверо-западныхъ береговъ Аральскаго моря, и выждавъ здѣсь нѣсколько дней отставшій транспортъ, слѣдоваль оттуда чрезъ Каратамакъ четырьмя эшелонами,—первый: изъ 2 сотенъ казаковъ, 3 роты пѣхоты и 4 конныхъ орудій; второй: сотни казаковъ, 3 роты пѣхоты, 2 конныхъ орудій и 2 мортирь; третій: 2 сотни казаковъ, 2-хъ роты пѣхоты и ракетной батареи, и четвертый: 2 сотни казаковъ, роты пѣхоты, 2 орудій и 2700 верблюдовъ съ запаснымъ провіантомъ. Раздѣленіе отряда на эшелоны сдѣлано было потому, что на пути отъ Арыса чрезъ Косъ-булакъ на Касарму не было достаточнаго количества воды (по этому пути двигалась правая колонна отряда). Люди и лошади выносили походъ превосходно, всѣхъ больныхъ было 8 человѣкъ. Изъ Хивы доходили самыя противорѣчивыя извѣстія: говорили, что нѣсколько тысячъ человѣкъ высланы на уроч. Дау-Кара и на Ургу, что на Касармѣ имѣется небольшой наблюдательный постъ, что въ хивинскихъ владѣніяхъ дѣлается нарядъ на службу по 1 человѣку съ 5 домовъ и что туремены повидимому уклоняются отъ содѣйствія хану, который притомъ не довѣряетъ и нашимъ бѣглецамъ-киргизамъ, такъ какъ между ними замѣтно колебаніе и желаніе явиться съ повинною.

Съ уроч. Исенъ-чагыль отрядъ двигался совершенно благополучно и 25 апрѣля достигъ уроч. Касармы. Въ водѣ изъ вырывааемыхъ войсками колодцевъ недостатка не встрѣчалось, а мѣстами въ ущельяхъ Чинка былъ даже снѣгъ. Хотя со стороны хивинцевъ и не было замѣтно никакихъ оборонительныхъ или охранительныхъ мѣръ, но до Исенъ-Чагыля отрядъ нашъ не встрѣтилъ ни одиночныхъ людей, ни каравановъ; было очевидно, что никого изъ ханства не пускали. Здѣсь же генераль-лейте-

нантъ Веревкинъ получилъ первое извѣстіе отъ начальника мангиплакского отряда полковника Ломакина, изъ котораго онъ узналъ, что отрядъ этотъ долженъ по расчету прибыть на Ай-бугиръ 4 или 9 мая, но генераль Веревкинъ послалъ приказаніе выдти кавказцамъ на соединеніе съ нимъ на Ургу.

Такъ какъ кавказскія войска полковника Ломакина за неимѣніемъ верблюдовъ не въ состояніи были взять съ собою продовольствія болѣе какъ на три мѣсяца, то оренбургское окружное начальство распорядилось послать въ Иргизъ чиновника для найма перевозочныхъ средствъ и отправки изъ тамошняго запаснаго магазина, по числу 2400 человѣкъ и 950 лошадей кавказскаго отряда, 659 четвертей сухарей, 114 четвертей крупъ и 1300 четвертей овса. Продовольствіе это отправлялось въ Каратамакъ съ такимъ расчетомъ, чтобы одновременно прибыть съ тыльными запасными транспортами, отправляемыми къ отряду, или въ Ургу, изъ Эмбенскаго поста.

28-го апрѣля выступивъ изъ урочища Касармы, къ 5-му мая весь отрядъ сосредоточился въ укр. Джана-Кала на Ургѣ, въ 900-хъ верстахъ отъ Эмбенскаго поста ¹⁾).

¹⁾ Здѣсь генераль Веревкинъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ отряда:

„Вчерашняго числа, ввѣренный мнѣ отрядъ, достигнувъ укрѣпленія Урга, выполнилъ съ точностью Высочайшую волю: чтобы, въ началѣ мая, войска Оренбургскаго военнаго округа находились на границѣ хивинскихъ владѣній. При этомъ войскамъ пришлось перенести не мало трудовъ и лишеній: вслѣдъ за зимнимъ походомъ отъ Оренбурга, Уральска и Орска къ Эмбѣ они должны были сдѣлать переходъ около 600 верстъ отъ Эмбенскаго поста, изъ которыхъ половину по дорогамъ, испорченнымъ весеннею распутицей, другую же — по безводнымъ и бесплоднымъ пустынямъ Усть-Урта, еще недавно считавшимися недоступными для русскихъ отрядовъ.

„Рѣдко случалось русскимъ войскамъ дѣлать походы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ; но, несмотря на это, походъ совершенъ вполне благополучно: люди сохранили бодрость и силу, больныхъ и слабыхъ между ними очень мало, лошади сбережены въ удовлетворительномъ видѣ, и, сверхъ всего этого, въ теченіе всего похода не было ни одного случая, который обнаружилъ бы упадокъ духа, нарушеніе дисциплины или нерадѣніе въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

„Хотя подобные результаты были подготовлены заботливыми и предусмотрительными мѣрами со стороны главнаго начальства, тѣмъ не менѣе я не могу не признать, что легкость, съ которою перенесенъ столь трудный походъ, главнѣйшимъ образомъ, обусловлена молодецкимъ духомъ нижнихъ чиновъ и заботливостью со стороны ближайшихъ начальниковъ о сохраненіи порядка во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Въ особенности, не могу не сознаться, что нѣкоторыя части отряда вполне поддержали, издавна признанную за русскою пѣхотою, славу лучшихъ въ мірѣ ходаковъ.

„А потому, поздравляю ввѣренный мнѣ отрядъ съ окончаніемъ самой трудной части похода, объявляю мою душевную благодарность всѣмъ начальствующимъ лицамъ за ихъ труды и усердное содѣйствіе въ моихъ заботахъ о наилучшемъ выполненіи Высочайше указанной намъ задачи; нижнимъ же чинамъ отряда, за ихъ безукориз-

Джана-Кала находится въ 6-ти верстахъ отъ мыса Урга, на днѣ совершенно высохшаго Айбугирскаго залива у канала Джана-Джанъ, проведеннаго отъ Аму-Дарьи три года назадъ хивинцами, и возведено ими почти одновременно съ другимъ укрѣпленіемъ, находящимся нѣсколько выше, по этому же каналу. Укрѣпленіе Джана-Кала имѣетъ видъ квадратнаго редута съ мелкимъ и узкимъ (вообще неправильнымъ) рвомъ; длина фасовъ около 100 саж. Прикрытіе состоитъ изъ стѣны вышиною въ $2\frac{1}{2}$ саж. и толщиною въ основаніи около $1\frac{1}{2}$ саж., и въ верхней части имѣющей форму стѣнки съ зубцами и бойницами не болѣе 1-го фута. Вся постройка сдѣлана изъ глины. Оба эти укрѣпленія найдены пустыми; первое изъ нихъ, по показаніямъ, полученнымъ въ послѣдствіи, занято было каракалпаками и сартами въ числѣ отъ 500 до 800 человекъ, которые ушли изъ крѣпости дня за два до прибытія отряда. Въ этихъ укрѣпленіяхъ, кромѣ ста никуда негодныхъ кибитокъ, никакого имущества и никакихъ запасовъ не найдено.

За нѣсколько дней до прихода на Ургу, генералъ Веревкинъ разослалъ чрезъ лазутчиковъ къ каракалпакамъ и туркменамъ и находящимся въ Хивѣ киргизамъ прокламацію, призывающую къ покорности тѣхъ киргизовъ, которые откочевали изъ русскихъ областей въ хивинскія владѣнія ¹⁾.

ненное поведеніе, молодецкое перенесеніе походныхъ лишеній и трудовъ, объявляю спасибо отъ всего сердца. Вполнѣ увѣренъ, что и дальнѣйшій походъ совершенъ будетъ съ тѣмъ же успѣхомъ.

„Приказъ этотъ прочесть людямъ во всѣхъ частяхъ отряда“.

¹⁾ Вотъ эта прокламація:

„Киргизы разныхъ родовъ и отдѣленій, живущіе въ хивинскихъ предѣлахъ!

„По волѣ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго хивинское правительство и его подданные должны понести наказаніе, заслуженное ими разными враждебными дѣйствіями противъ могущественной Россіи, какъ-то: вторженіемъ вооруженныхъ шаекъ въ русскіе предѣлы, подстрекательствомъ русскихъ подданныхъ киргизовъ къ мятежу и неповиновенію законной власти, грабежами, задержаніемъ въ плѣну русскихъ подданныхъ и многими другими подобными поступками.

„Наказаніе постигнетъ всѣхъ тѣхъ жителей хивинскихъ владѣній, которые захотятъ встрѣтить русскія войска съ оружіемъ въ рукахъ или будутъ какимъ-либо другимъ образомъ противудѣйствовать ихъ успѣхамъ и не исполнять приказаній русскихъ военачальниковъ. Но гораздо суровѣе, чѣмъ для другихъ, наказаніе это будетъ для тѣхъ киргизовъ, находящихся въ хивинскихъ предѣлахъ, которые, забывъ Бога и данную ими или ихъ предками присягу на вѣрность Россійскому Императору, не раскаются и на этотъ разъ и будутъ дѣйствовать заодно съ врагами Его Величества.

„Однако-жъ Государь Всероссійскій справедливъ и многоплостивъ. Онъ желаетъ, чтобы казнь соотвѣтствовала винѣ и чтобы невинные не пострадали. Его Величеству извѣстно, что иные изъ киргизовъ, откочевавшіе въ Хиву по своимъ хозяйственнымъ надобностямъ, задержаны тамъ хивинскими властями, другіе, переселясь туда въ

Быть можетъ, что прокламація эта была одной изъ причинъ того, что еще до прихода нашего на Ургу явился къ генералу Веревкину посолъ съ изъявленіемъ полной покорности со стороны важнѣйшихъ нашихъ измѣнниковъ изъ киргизовъ, которые въ 1869 и 1871 годахъ ушли въ хивинскіе предѣлы, а вслѣдъ за приходомъ на Ургу явились въ отрядъ: Азбергенъ Мунайтпасовъ, Хангалій Араслановъ, Кутебаръ Айдекеневъ, Каратау Утербаевъ, Рыспай Асмантаевъ и др. менѣе важные. Всѣ они были оставлены для службы при отрядѣ, такъ какъ генералъ Веревкинъ надѣялся извлечь изъ нихъ не мало пользы какъ при движеніи отряда, такъ и при заготовленіи продовольствія; одинъ только Араслановъ, болѣе другихъ виновный въ измѣнѣ, какъ чиновникъ русской службы, былъ сданъ на поруки помощнику иргизскаго уѣзднаго начальника Исету Кутебарову и Аликену Сазанову.

По заявленію Асбергента и другихъ, всѣ кочующіе въ хивинскихъ предѣлахъ киргизы ожидали прихода русскихъ войскъ съ полною покорностію. По ихъ показаніямъ, всѣ запасы продовольствія, на которые русскія войска могли рассчитывать, сосредоточивались въ городахъ Хивѣ и Кунградѣ; притомъ запасы эти состояли исключительно изъ ячменя, джугары и дженушки и, насколько можно было вѣрить, не превышали 5 — 6 тысячъ пудовъ зерна.

Всѣ эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ тѣми, какія были доставлены прежними рекогносцировками и разспросами, много способствовали опредѣленію плана дальнѣйшихъ дѣйствій отряда нашего.

прежнія времена, не могли возвратиться на свою родину или по бѣдности, или потому, что обзавелись тамъ постояннымъ хозяйствомъ, третьи, наконецъ, ушли или по наущенію неблагонамѣренныхъ людей, или изъ страха наказанія за какіе-либо противузаконные поступки, а потомъ уже возвратиться не смѣли.

„Поэтому объявляется нынѣ всѣмъ проживающимъ въ хивинскихъ предѣлахъ киргизамъ, чтобы они не уходили отъ русскихъ отрядовъ, а сидѣли бы съ аулами на своихъ мѣстахъ и немедленно высылали ко мнѣ своихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности. Тѣ изъ нихъ, которые изъявятъ покорность и ни въ чемъ противузаконномъ ни прежде, ни теперь виновны не будутъ, не подвергнутся никакому наказанію или насилію, и за все, что они захотятъ продать русскимъ войскамъ, получаютъ наличныя деньги; тѣ же, которые имѣютъ за собою какую-либо вину, могутъ рассчитывать на снисхожденіе, какъ добровольно явившіеся.

„Если же найдутся между ними такіе, которые захотятъ сражаться съ русскими войсками или какимъ-либо другимъ образомъ дѣйствовать заодно съ врагами нашими, то съ подобными людьми будетъ поступлено безъ всякой пощады и жалости, не только какъ съ врагами, но какъ съ измѣнниками своего законнаго Государа.

„Внимайте, киргизы, хорошо въ мои слова: они истекаютъ изъ истиннаго желанія вамъ добра“.

Извѣстія объ измѣненіи очертанія береговъ Аральскаго моря совершенно подтвердились: Айбугиръ оказался совершенно сухъ; островъ Токманъ-ата соединился съ материкомъ и отъ Аму-Дарьи къ Ургѣ проведенъ каналъ, по которому пролегаетъ теперь путь въ хивинскіе предѣлы не только кратчайшій и удобнѣйшій, но едва ли не единственный, — такъ какъ дорога вдоль западнаго берега Айбугира, и прежде отличавшаяся безводіемъ и бесплодіемъ, теперь совершенно оставлена. По каналу этому и его окрестностямъ сосредоточивается и большая часть населенія сѣверной части ханства, какъ осѣдлаго такъ и кочевого: по этой же дорогѣ хивинцы ожидали и вторженія войскъ Оренбургскаго округа, и по слухамъ, въ Кунградѣ собирались нѣсколько тысячъ узбековъ и туркменъ съ артиллеріей. Что же касается затрудненій, которыя, по предположеніямъ, должны были представить для движенія войскъ болота и каналы лѣваго берега Аму-Дарьи, то первыя существуютъ, и то въ незначительной степени, лишь при лѣтнихъ разливахъ рѣки, каналы же удобопроходимы при незначительныхъ работахъ.

По этимъ соображеніямъ, для дальнѣйшаго движенія вглубь хивинскихъ владѣній генераль Веревкинъ рѣшился избрать путь на Кунградъ и Куны-Ургенчъ, или на Ходжейли и Бендъ. Путь этотъ, кромѣ того, что съ перваго же перехода приводилъ отрядъ въ населенную страну, представляющую средства обезпечить войска порціоннымъ скотомъ и фуражемъ, въ то же время сближалъ отрядъ и съ аральской флотиліей, которая стояла въ это время въ Аму-Дарьѣ ниже Кунграда, и давалъ возможность оказать болѣе дѣятельное содѣйствіе войскамъ Туркестанскаго округа при переправѣ чрезъ Аму-Дарью. Устроивъ складочный пунктъ на Ургѣ, такъ какъ укрѣпленіе Джана-Кала по своей величинѣ и конструкціи не могло быть приспособлено къ оборонѣ для прикрытія оставляемыхъ тамъ войскъ, былъ возведенъ небольшой редутъ полевой профили, хивинское же сооруженіе разорено. Для охраненія склада были оставлены одна рота и одна сотня съ 2-мя ракетными станками; что же касается 2-хъ пѣшихъ орудій, которыя предполагалось прежде здѣсь оставить, то они взяты съ войсками для вооруженія, въ случаѣ надобности, Кунграда, такъ какъ не было получено никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о движеніи мангишлакскаго отряда и нельзя было надѣяться, что онъ окажетъ своевременное содѣйствіе. Здѣсь же оставленъ чиновникъ для принятія и транспортированія къ войскамъ запасовъ продовольствія, которые доставлялись къ Ургѣ, какъ выше сказано; для перевозки же ихъ оставлено 1200 верблюдовъ, наиболѣе

слабыхъ изъ числа состоящихъ при отрядѣ, которые до прихода транспорта успѣвали поправиться.

Съ приходомъ отряда на Ургу, воля Государя Императора: чтобы оренбургскія войска къ началу мая достигли хивинскихъ предѣловъ, была выполнена вполнѣ, несмотря на непредвидѣнныя задержки въ выступленіи и на чрезвычайную трудность пути по маловоднымъ и безводнымъ пустынямъ Усть-Урта. Самая трудная часть возложенной на отрядъ задачи исполнена съ полнымъ успѣхомъ; здоровье и силы людей и лошадей были вполнѣ сбережены, бодрость духа сохранена и войска ждали встрѣчи съ непріателемъ съ полной увѣренностію въ успѣхѣ. Результаты эти, безъ сомнѣнія, въ самой значительной степени обезпечены были предусмотрительностію и заботливостію предварительныхъ распоряженій, но нельзя не отдать также справедливости какъ энергіи войскъ, такъ и опытности начальника этого отряда генерала Веревкина.

Выступивъ 6-го мая изъ укр. Джана-Кала, 8-го числа отрядъ генерала Веревкина достигъ города Кунграда. Мѣстность по этой дорогѣ, хотя изрытая множествомъ арыковъ, не представляла, однакожъ, слишкомъ значительныхъ затрудненій: потребовалось только исправить нѣсколько мостовъ и срыть нѣсколько спусковъ, для удобнѣйшаго слѣдованія обоза. Послѣдній передъ Кунградомъ ночлегъ отрядъ имѣлъ на уроч. Асъ-бергенъ-Бакъ, верстахъ въ 13-ти отъ Кунграда, выславъ авангардъ изъ 3-хъ казачьихъ сотенъ съ ракетными станками верстъ за 5 впередъ, для охраненія имѣющихся здѣсь мостовъ чрезъ арыки. Дня за четыре до прибытія отряда къ Кунграду, городъ былъ занятъ передовымъ отрядомъ хивинскихъ войскъ (по различнымъ показаніямъ), отъ 500 до 1500 человекъ безъ артиллеріи, подъ начальствомъ Джасаула Мамыта, узбека, родомъ изъ Кунграда. Скопище это, не занимая города (жители котораго, еще на Ургу выславшіе къ генералу Веревину депутацію съ изъявленіемъ покорности, при приближеніи хивинцевъ разбѣжались), расположилось правымъ флангомъ къ городу, нѣсколько сзади, выславъ передовыхъ всадниковъ къ канавамъ и небольшимъ садамъ, верстахъ въ 2-хъ впереди города. При приближеніи нѣсколькихъ человекъ джигитовъ, посланныхъ отъ нашего отряда къ городу для развѣдокъ, эти передовые люди обратились въ бѣгство.

Приостановивъ на нѣсколько минутъ движеніе отряда, чтобы дать ему возможность выстроиться въ порядкѣ при выходѣ изъ дефила, образуемаго, верстахъ въ трехъ отъ Кунграда, арыками съ высокими насыпями и садами, посланы были впередъ 3 казачьихъ сотни, чтобы открыть расположеніе непріателя, а въ слу-

чаѣ его бѣгства преслѣдовать немедленно. Однако-жъ оказалось, что скопище обратилось въ поспѣшное бѣгство, не выждавъ даже появленія сотенъ; захвачено было лишь два человѣка отсталыхъ и выпущено въ догонку около 50-ти ружейныхъ выстрѣловъ и 2 ракеты. Преслѣдовавъ версть 8 далѣе Кунграда, по дорогѣ на Ходжейли, отрядъ остановился, такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе по изрытой арыками мѣстности найдено совершенно бесполезнымъ. Развѣзды, высланные впередъ, не открыли непріятеля на разстояніи 15-ти верстъ: по свѣдѣніямъ, скопище, разбѣжавшееся отъ Кунграда, верстахъ въ 30-ти отъ этого города встрѣтило хивинскій отрядъ тысячи въ три человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, который подъ начальствомъ мехтера (хивинскаго визира) шелъ къ нимъ на поддержку, но также обратился въ бѣгство, собравшись затѣмъ на протокъ Карабайли верстахъ въ 50-ти отъ Кунграда, по дорогѣ въ Ходжейли.

Оставивъ авангардъ изъ 3-хъ сотенъ на мѣстѣ, отрядъ отошелъ назадъ къ Кунграду, около котораго и расположился лагеремъ. Городъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ въ ханствѣ, имѣющій до 6000 жителей, найденъ почти совершенно пустымъ. Жители, какъ сказано выше, разбѣжались, имущество вывезено, самый городъ представляетъ почти развалины. Городская стѣна и часть жилищъ, послѣ разрушенія ихъ, произведеннаго лѣтъ за 15 передъ симъ во время междоусобной войны хивинцевъ съ туркменами, не возобновлялись; ханскій дворецъ, составляющій мѣстопробываніе кунградскаго бека, въ совершенномъ упадкѣ. Но мѣстность здѣсь, прорѣзанная всюду каналами, съ обиліемъ воды въ р. Аму-Дарьѣ — весьма привлекательна; природныя богатства поражаютъ своимъ обиліемъ, но мусульманскій деспотизмъ убиваетъ все, чѣмъ такъ щедро надѣлила природа страну древняго Ховарезма. Приказавъ разрушить ханскій дворецъ и домъ, принадлежащій начальствовавшему надъ хивинскими войсками въ Кунградѣ Джасаулу Мамыту, генераль Веревкинъ занялъ городъ карауломъ и нарядилъ комиссію для изслѣдованія, какое имѣется въ Кунградѣ и его окрестностяхъ имущество, принадлежащее ханской казнѣ и ханскимъ чиновникамъ, и какія могутъ быть сдѣланы заготовленія для войскъ отряда. Жители города вскорѣ начали собираться въ городъ и приводить для продажи быковъ и барановъ. Здѣсь войска начали пользоваться прѣсною водою, что также много облегчило ихъ положеніе: жаръ доходилъ уже до 40° по Реом.

По приходѣ въ Кунградъ получено чрезъ киргизовъ извѣстіе, что съ пароходовъ Аральской флотиліи, которая зашла въ одинъ

изъ протоковъ Аму-Дарьи и стоитъ верстахъ въ 25-ти отъ Кунграда, не имѣя возможности двигаться далѣе по мелководью, выслана была команда изъ 8 русскихъ и 4 киргизовъ, для осмотра плотины, препятствующей движенію пароходовъ. Плотины эту вызвался указать кочующій здѣсь сыръ-дарьинскій киргизъ Чиклинскаго рода Утень. Пригласивъ команду къ себѣ для угощенія, Утень далъ знать объ этомъ хивинцамъ, занимавшимъ Кунградъ, которые явились сюда и, захвативъ людей, 10 человекъ зарѣзали, а двухъ увезли съ собой. Немедленно по полученіи объ этомъ извѣстія генераль Веревкинъ послалъ команду для захвата аула означеннаго Утеня, который, по слухамъ, самъ ушелъ съ хивинцами, и для того, чтобы открыть мѣсто гдѣ находилась флотилія. Указать этотъ аулъ вызвался Асбергень Мунайтпасовъ, который взялся также провести флотилію къ Кунграду или, если это невозможно, указать плотины, запружающія русло рѣки. Вообще Асбергень, Хангалій, Кутебаръ и др. явившіеся съ повинною, весьма усердно и съ пользою служили при отрядѣ.

Объ отрядѣ полковника Ломакина здѣсь получено было тоже отъ киргизовъ извѣстіе, что онъ разгромилъ одинъ Адаевскій аулъ гдѣ-то около Айбугира и двигается къ Куны-Ургенчу. Еще прежде посланы были ему два предписанія двигаться на Ургу, но такъ какъ было неизвѣстно, получены ли были они, и такъ какъ преслѣдованіе адаевцевъ могло приблизить его къ Куны-Ургенчу, то генераль Веревкинъ снова послалъ ему предложеніе отъ Куны-Ургенча идти на Ходжейли, куда рѣшился двинуть и ввѣренный ему отрядъ. Это было нужно, во-первыхъ, для преслѣдованія хивинцевъ, собирающихся подъ начальствомъ Мехтера, около Ходжейли, во-вторыхъ, для того, чтобы оказать наибольшее содѣйствіе аральской флотиліи, при ея движеніи вверхъ по Аму и переправѣ войскъ туркестанскихъ, о мѣстѣ нахожденія которыхъ не получалось точныхъ свѣдѣній, изъ чего можно было заключить, что они находятся за Аму-Дарьей ¹⁾. Ханское правительство, по видимому, не принимало почти никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ для защиты своей территоріи: войска хивинскія бѣжали до встрѣчи съ отрядомъ, мосты по арыкамъ почти нигдѣ не разрушались для наводненія мѣстности, которое весьма легко было бы произвести и которое значительно затруднило бы дви-

¹⁾ По киргизскимъ слухамъ, войска Туркестанскаго оеруга имѣли за Аму-Дарьей дѣло съ хивинскимъ скопищемъ, подъ начальствомъ Садыка, которое и разсѣяно. Самъ Садыкъ возвратился въ свой аулъ около м. Ургенча.

женіе войскъ; наконецъ укрѣпленія, которыя, какъ, напр., Джана-Кала, могли бы защищаться хотя нѣкоторое время, не приведены въ оборонительное состояніе, — словомъ, видно было полное неустройство и отсутствіе руководства. Нельзя было не отнести этого къ тому, что киргизы, каракалпаки и туркмены, за немногими исключеніями, отказали въ своемъ содѣйствіи хану, быть можетъ, убѣдившись изъ прокламацій генерала Веревкина въ безопасности своей жизни и своего имущества со стороны русскихъ отрядовъ.

Простоявъ въ Кунградѣ три дня, 12 мая отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Ходжейли. Наканунѣ выступленія отряда, выдвинуть былъ на одинъ переходъ авангардъ изъ трехъ казачьихъ сотенъ съ ракетной командой, который расположился на берегу р. Талдыка, при истокѣ высохшаго канала Угузъ, въ 25 верстахъ за Кунградомъ. Здѣсь, въ ночь на 12 мая, партія хивинцевъ, силою до 300 человѣкъ, воспользовавшись темнотою и крайне пересѣченною мѣстностью, произвела нападеніе на авангардъ, но была отбита съ полнымъ успѣхомъ. Подробности этого дѣла заключались въ слѣдующемъ:

Лагерь авангарда, расположеннаго въ видѣ каре, примыкалъ однимъ боковымъ фасомъ къ р. Талдыкъ; передній фасъ занимала 1-я уральская, боковой — 2-я уральская сотни, задній фасъ — 2-я оренбургская сотня; ракетный взводъ былъ расположенъ въ углу, между 1 и 2 уральскими сотнями. Верблюды и тяжести были расположены передъ своими фасадами. На аванпостахъ стояла часть 2-й оренбургской сотни. Около 3 часовъ ночи, 12 мая, дежурный по аванпостамъ донесъ начальнику авангарда, что къ одному изъ нашихъ пикетовъ подъѣзжало нѣсколько человѣкъ, которые, послѣ оклика, бросились назадъ, почему пикетный казакъ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ. Не успѣлъ полковникъ Леонтьевъ (начальникъ авангарда) отдать приказаніе собираться всѣмъ сотнямъ и послать къ сторонѣ, откуда показался непріятель, усиленный разѣздъ, какъ хивинцы, съ громкимъ гиканьемъ, кинулись на 2-ю оренбургскую и 2-ю уральскую сотни; но, встрѣченные выстрѣлами уже собравшихся казаковъ, они быстро отступили. Чрезъ нѣсколько времени непріятель снова кинулся на 1-ю уральскую сотню, но и здѣсь былъ отбитъ ружейными выстрѣлами, послѣ чего онъ обратился въ бѣгство. Полковникъ Леонтьевъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля 1-ю уральскою и 2-ю оренбургскою сотнями, по ходжейлинской дорогѣ, верстъ на десять, и убѣдившись, что хивинцы совершенно разсѣялись, возвратился къ своему лагерю. Потери въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны не было, кромѣ одной лошади; непріятель же, пользуясь ночью тем-

нотой, успѣлъ увезти своихъ убитыхъ и раненыхъ. Шайка, производшая нападеніе, была вся конная и состояла преимущественно изъ кольчужниковъ.

Получивъ извѣстіе, что отрядъ полковника Ломакина (въ составѣ 10 ротъ, четырехъ сотенъ, двухъ полевыхъ и двухъ горныхъ орудій) долженъ былъ прибыть 12-го мая къ Кунграду, генераль Веревкинъ призналъ возможнымъ оставить въ Кунградѣ, для поддержанія спокойствія и прикрытія нашихъ сообщеній, одну роту (3-го оренбургскаго линейнаго баталіона) и одну сотню (3-ю уральскую), которыя онъ усилилъ одною сотнею и двумя горными орудіями изъ отряда полковника Ломакина. Начальствованіе надъ упомянутыми войсками, а также надъ всей занятой страной, поручено особому лицу, въ помощь которому, для управленія мѣстнымъ населеніемъ, назначенъ Исетъ Кутебаровъ, съ четырьмя помощниками изъ представителей различныхъ народностей: киргизовъ, каракалпаковъ и узбековъ.

Здѣсь же подтвердилось свѣдѣніе о прискорбномъ случаѣ въ командѣ, высланной отъ аральской флотиліи. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: 7-го мая, съ флотиліи послана была команда изъ девяти рядовыхъ, одного унтеръ-офицера и топографа, которой было поручено осмотрѣть плотины, построенныя на Улькунъ-Дарѣ и войти въ сношеніе съ генераломъ Веревкинымъ. Провести упомянутую команду вызвался откочевавшій изъ Сыръ-Дарьинской области чиклинецъ Утень. Затѣмъ, команда эта въ отрядѣ не возвратилась, а по розыскамъ, верстахъ въ 10-ти отъ Кунграда, были найдены 11-ть обнаженныхъ и обезглавленныхъ ихъ труповъ, въ числѣ которыхъ, по нѣкоторымъ признакамъ, можно предполагать и трупъ офицера. Тѣла убитыхъ были перевезены въ лагерь и преданы христіанскому погребенію, для раскрытія же подробностей дѣла предписано произвести дознаніе. Къ сожалѣнію, Утень, который, по увѣренію киргизовъ, измѣннически выдалъ команду непріятелю, успѣлъ бѣжать ранѣе прибытія посланныхъ для его арестованія людей; захвачены только его семейство (жена и двое малолѣтнихъ дѣтей) и имущество, и задержаны также заложниками три киргиза изъ сосѣдняго аула, въ которомъ Утенемъ взяты были для команды лошади, и жителямъ котораго приказано его представить подъ опасеніемъ истребленія аула и разстрѣлянія заложниковъ. Изъ перваго дознанія по упомянутому убійству оказывалось, что нападеніе на команду сдѣлано было, повидимому, врасплохъ, во время отдыха, такъ какъ тѣла убитыхъ найдены лежащими въ порядкѣ, какъ бы во время сна, на берегу рѣки, вблизи развалинъ какого-то зданія,

удобнаго для обороны, между тѣмъ, признаковъ борьбы около тѣлъ не видно; между тѣмъ, люди, по донесенію начальника аральской флотиліи, были вооружены ружьями и револьверами, и имѣли при себѣ достаточное число патроновъ.

Аральская флотилія остановилась вслѣдствіе мелководія въ Улькунъ-Дарьѣ, верстахъ въ 25-ти не доходя Кунграда. Мелководіе въ рѣкѣ происходитъ отъ запруженія ея плотинами, выше мѣста нахожденія флотиліи, почему лучшимъ средствомъ было бы разрушеніе этихъ плотинъ; но такъ какъ разрушеніе ихъ, по заявленію мѣстныхъ жителей, лишило бы воды значительную часть населенія и въ то же время, по ихъ же словамъ, представлялась возможность провести пароходы вверхъ, но только не заходя въ Кунградъ, а прямо на Ходжейли, то начальникъ экспедиціоннаго отряда, прежде чѣмъ рѣшиться на уничтоженіе плотинъ, поручилъ одному изъ каракалпакскихъ старшинъ провести пароходы по указываемому имъ пути на Ходжейли.

12-го мая, прибылъ къ отряду генерала Веревкина полковникъ Ломакинъ, оставивъ свой отрядъ въ Кунградѣ. При дальнѣйшемъ движеніи, мангышлакскому отряду, за исключеніемъ частей, оставленныхъ въ Кунградѣ (одной сотни и двухъ горныхъ орудій), назначено было двигаться въ одномъ переходѣ за войсками оренбургскаго отряда. Мангышлакскій отрядъ, до соединенія съ оренбургскимъ, потерялъ на пути, отъ изнуренія, до 400 верблюдовъ.

13-го мая, оренбургскій отрядъ, продолжая движеніе на Ходжейли, имѣлъ ночлегъ на каналѣ Кіать-джаріанѣ, въ 45 верстахъ за Кунградомъ, въ густомъ лѣсу, который тянется, съ небольшими перерывами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, почти отъ Кунграда до Ходжейли. Затрудненій для движенія войскъ лѣсъ не представлялъ, такъ какъ по немъ проходила хорошая широкая дорога. 14-го мая, отряду предстояло сдѣлать большой переходъ верстъ въ 30, до протока Карабайли, гдѣ, по свѣдѣніямъ, находился лагерь хивинскихъ войскъ. На серединѣ перехода отряду сдѣланъ былъ привалъ, но едва войска успѣли остановиться, какъ изъ арріергарда прислано было извѣстіе, что на прапорщика корпуса топографовъ Лойко, производившаго, подъ прикрытіемъ 15 казаковъ № 3-й оренбургской сотни, въ тылу отряда маршрутную съѣмку, сдѣлано нападеніе. Немедленно были посланы къ мѣсту нападенія 1½ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Леонтьева, который, прибывъ къ мѣсту нападенія шайки, когда непріятель уже обратился въ бѣгство, нашелъ невозможнымъ преслѣдовать бѣгущихъ по болотистымъ лѣснымъ

зарослямъ. По разъясненіи дѣла, оказалось, что съёмочная партія, верстахъ въ двухъ отъ арріергарда, была внезапно окружена шайкою до 100 чел., появившеюся изъ лѣса. Казаки успѣли собраться въ двѣ кучки и, открывъ огонь по непріятелю, выдержали нѣсколько его натисковъ; между тѣмъ, есауль Толстовъ, съ полусотней № 2-го сотни уральскаго войска, находившейся въ боковомъ разѣздѣ, услышавъ въ тылу выстрѣлы, поскакалъ на нихъ. Но непріятель, не выждавъ этого нападенія, бросился въ лѣсъ, захвативъ до 10 человѣкъ своихъ раненыхъ и оставивъ на мѣстѣ свалки три убитыхъ лошади. Съ нашей стороны изрубленъ былъ казакъ, занесенный лошадыю въ ряды непріятеля; кромѣ того, ранены тяжело два казака, и ранены легко: 1 офицеръ и два казака, и потеряно семь лошадей.

Часа черезъ три послѣ этой стычки, отрядъ выступилъ далѣе; но не успѣла голова колонны пройти версту, арріергардъ же только тронуться съ мѣста, какъ въ тылу снова раздались выстрѣлы. Немедленно дано было войскамъ колонны такое направленіе, чтобы нападеніе могло быть отражено одновременно со всѣхъ сторонъ, въ тылъ же былъ направленъ взводъ № 2-го конно-артиллерійской бригады и двѣ сотни.

Нападеніе на арріергардъ происходило слѣдующимъ образомъ. Едва № 3-го оренбургская сотня, находившаяся въ арріергардѣ, сѣла на коней, какъ изъ сосѣднихъ кустовъ и камышей послышалось гиканье и на сотню, съ тыла и съ фланговъ, понеслась густая цѣпь всадниковъ, силою въ 500 человѣкъ. Начальникъ сотни на рысяхъ приблизился къ хвосту обоза, предупредивъ казаковъ, что сотня будетъ спѣшена. Выѣхавъ на удобную позицію, сотня быстро спѣшилась и, сбатовавъ лошадей, встрѣтила залпомъ насккивающего на нее непріятеля, который вслѣдствіе этого пріостановилъ свой натискъ. Въ это время подоспѣлъ къ арріергарду полувзводъ 4-й роты 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона. Непріятельская цѣпь, усилясь новыми толпами, бросилась снова въ атаку, но была отражена огнемъ 3-й сотни и вышеупомянутаго взвода. Между тѣмъ, къ арріергарду прибыли подкрѣпленія: сначала полувзводъ уральской № 3-го сотни, бывшей въ боковомъ патрулѣ, а затѣмъ, 1-я уральская и 6-я оренбургскія сотни, которыя и бросились преслѣдовать отступившаго во всѣ стороны непріятеля. Преслѣдованіе по мѣстности, покрытой кустами и густымъ камышомъ и изрѣзанной канавами, продолжалось верстъ на 9, и прекратилось только тогда, когда сотни загнали непріятеля въ болотистые камыши, слѣдованіе по которымъ было почти невозможно. Число убитыхъ и раненыхъ у не-

пріятеля было значительно. Съ нашей стороны, при отраженіи нападенія, потери въ людяхъ не было; убито только въ арріер-гардѣ два верблюда.

Затѣмъ отрядъ продолжалъ безостановочно дальнѣйшее движеніе, и прибылъ на ночлегъ къ предположенному мѣсту, у истока Карабайли изъ Аму-Дарьи. Здѣсь былъ найденъ обширный укрѣпленный лагерь хивинскихъ войскъ, обнесенный земляною насыпью со рвомъ, глубиною и шириною около сажени. Лагерь этотъ, по своему протяженію и по числу шалашей, могъ вмѣщать не менѣе трехъ тысячъ войскъ, построень былъ, какъ видно, недавно, а судя по остаткамъ свѣжаго камыша, брошенъ хивинцами только за нѣсколько дней. Здѣсь находились, по показаніямъ окрестныхъ жителей, главные силы хивинскихъ войскъ, числомъ отъ трехъ до пяти тысячъ при трехъ-пяти орудіяхъ, подъ начальствомъ узбека Якубъ-Бая; при упомянутыхъ войскахъ находились и важнѣйшіе сановники ханства: мехтеръ и инакъ. Очистивъ лагерь, хивинцы направились къ Ходжейли, выславъ для нападенія на тылъ отряды охотниковъ, большею частію изъ туркменъ-іомудовъ и адаевцевъ; въ числѣ послѣднихъ въ нападеніи на отрядъ принимали участіе Гафуръ-Калбанъ, Иса и Дусанъ.

Къ ночи 14-го мая, къ оренбургскому экспедиціонному отряду присоединились войска мантишлакского отряда, выступившія изъ Кунграда 13-го мая. Хотя полковнику Ломакину, какъ упомянуто выше, предложено было отъ Кунграда двигаться вслѣдъ за войсками оренбургскими, сообразуя маршъ съ состояніемъ войскъ и давъ имъ, если онъ признаетъ нужнымъ, въ Кунградѣ отдыхъ, но, уступая желанію войскъ ввѣреннаго ему отряда, принять скорѣйшее участіе въ столкновеніи съ непріятелемъ, полковникъ Ломакинъ продолжалъ движеніе безостановочно, и сдѣлалъ въ послѣдній переходъ около 50 верстъ. Несмотря на такія чрезвычайныя усилія, войска кавказскія найдены генераломъ Веревкинымъ исполнѣ бодрыми и горящими желаніемъ вступить въ бой съ непріятелемъ.

15-го мая, соединеннымъ отрядамъ предстоялъ переходъ около 30 верстъ къ городу Ходжейли, занятому хивинскими войсками. Оба отряда выступили съ мѣста ночлега одновременно и были направлены двумя колоннами (правая изъ войскъ кавказскихъ), имѣя впереди кавалерію. Обозъ былъ соединенъ въ одну общую колонну подъ прикрытіемъ: трехъ ротъ 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, двухъ сотенъ казаковъ и одной роты съ двумя пѣшими орудіями отъ мантишлакского отряда.

До половины перехода, войска не встрѣчали признаковъ не-

пріятеля. Но при выходѣ на опушку кустарниковъ, на обширномъ болотистомъ и заросшемъ густымъ камышомъ лугу, тянущемся къ городу, показалось нѣсколько сотъ непріятельскихъ всадниковъ, противъ которыхъ была немедленно выдвинута вдоль берега рѣки сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни кубанскаго казачьяго войска, съ ракетными станками и съ цѣпью наѣздниковъ впереди; для поддержанія же ихъ была выдвинута вправо 2-я уральская и 2 и 3-я оренбургскія сотни съ ракетной командой, съ приказаніемъ, развернувшись, охватить лѣвый флангъ непріятельскихъ наѣздниковъ; въ то же время было послано приказаніе конной артиллеріи, задержанной на переправѣ черезъ арыкъ, ускорить движеніе.

Замѣтивъ наступленіе нашихъ войскъ, непріятельскіе наѣзники начали подаваться назадъ. Сотни же, посланныя въ обходъ лѣваго фланга хивинцевъ, были задержаны болотистою мѣстностью, также какъ и сотни, направленные для атаки непріятели съ фронта. А потому приказано было, до прибытія артиллеріи, преслѣдовать отступающаго непріятели ракетами. Когда же конная артиллерія догнала голову отряда, то она была поставлена на позицію, на берегу р. Аму-Дарьи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала изгибъ и давала возможность поражать отступающаго непріятели во флангъ и въ тылъ. Открывъ огонь съ 1200 саж., артиллерія принудила непріятели къ быстрому отступленію. Достигнувъ болѣе удобной для кавалерійскихъ дѣйствій мѣстности, генераль Веревкинъ пустилъ сотни въ атаку. Нѣсколько верстъ казаки и дагестанцы гнались за непріятеlemъ, но густые камыши снова вынудили остановить быстрое преслѣдованіе. Между тѣмъ открылись городскіе сады, до которыхъ оставалось около пяти верстъ. Такъ какъ войска сдѣлали безъ привала 25 верстъ, то былъ данъ полутора-часовой отдыхъ, во время котораго непріятельскіе всадники продолжали гарцовать впереди отряда, а изъ города было пущено нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій.

Около трехъ часовъ пополудни, снова начато было наступленіе. Мѣстность впереди Ходжейли представляла низменную равнину, покрытую камышомъ и заливными полями и изрѣзанную канавами; дорога отдѣлялась отъ р. Аму-Дарьи вправо; между дорогой и рѣкой, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находилось болотистое озеро, правѣе дороги тянулся широкій арыкъ, впадающій въ другой, на которомъ былъ расположенъ городъ и черезъ который въ городѣ имѣлся мостъ, составляющій единственную переправу для отступавшаго непріятели. За городскимъ арыкомъ вправо тянулись сады и отдѣльныя строенія.

Для атаки города войскамъ было дано слѣдующее направление: мангишпакскій отрядъ, составляя правое крыло, двинуть былъ небольшимъ обходомъ вправо, съ тѣмъ, чтобы, двигаясь садами вдоль городского арыка, подойти къ городу съ западной стороны, одновременно съ тѣмъ, какъ оренбургскія войска займутъ сѣверную часть города, если бы городъ не защищался; мангишпакскій отрядъ долженъ былъ занять въ городѣ мостъ, съ тѣмъ, чтобы пересѣчь путь отступленія непріятелю, лагерь котораго находился лѣвѣе города, между р. Аму-Дарьей и болотистымъ озеромъ. Войска оренбургскія двигались по дорогѣ, имѣя на правомъ флангѣ 2-й оренбургскій линейный баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, въ центрѣ шесть конныхъ орудій, а на лѣвомъ флангѣ двѣ казачьи сотни въ развернутомъ фронтѣ; оренбургская же № 2-го сотня направлена была еще лѣвѣе, въ промежутокъ между рѣкой и озеромъ, по направленію на непріятельскій лагерь. Въ общемъ резервъ оставленъ былъ одинъ изъ баталіоновъ кавказскихъ войскъ.

Замѣтивъ рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ, непріятель быстро обратился въ бѣгство; только кавказскія войска, подойдя къ городскимъ садамъ, встрѣчены были изъ нихъ выстрѣлами, но ружейный и артиллерійскій огонь заставилъ непріятеля очистить опушку садовъ, оставивъ на мѣстѣ одного убитаго и одного раненаго. Къ сожалѣнію, войска мангишпакскаго отряда, встрѣтивъ при наступленіи чрезвычайныя затрудненія отъ глубокихъ и широкихъ арыковъ, достигли города въ то время, когда онъ занятъ былъ безъ выстрѣла оренбургскими войсками, и потому кавказскія войска своевременнымъ занятіемъ городского моста не могли отрѣзать непріятелю путь отступленія.

У городскихъ воротъ генералъ Веревкинъ былъ встрѣченъ депутаціей отъ городскихъ жителей, заявившихъ совершенную покорность. Мѣстное населеніе, состоящее почти исключительно изъ ходжей¹⁾, отличается совершенно мирнымъ характеромъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимало никакого участія, напротивъ, и само терпѣло притѣсненія отъ стоявшей здѣсь хивинской арміи. На этомъ основаніи, генералъ Веревкинъ оставилъ городъ въ цѣлости; войска же, пройдя городъ, были остановлены на почлегѣ въ городскихъ садахъ. Вскорѣ къ отряду присоединилась сотня, направленная къ непріятельскому лагерю. Лагерь этотъ, обнесенный земляною насыпью со рвомъ, былъ брошенъ непріятелемъ; на рѣкѣ же видны были лодки, на которыхъ переправлялись по-

¹⁾ Узбековъ, считающихъ себя потомками Магомета.

слѣдніе хивинцы; пальбой, открытой по лодкамъ, убито было нѣсколько человѣкъ. Въ лагерѣ было найдено около 1000 пудовъ муки и джунгары (отданныхъ кавказскимъ войскамъ), нѣсколько палатокъ, ядеръ и небольшое количество пороха.

Городъ Ходжейли—торговый пунктъ, куда прїѣзжаютъ изъ окружающихъ ханствъ купцы и кочевники; городъ обнесенъ землянымъ валомъ и имѣетъ трое воротъ; чрезъ городъ течетъ Арыкъ-канава и есть ханскій домъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ занятія города, къ войскамъ подошелъ и обозъ, по которому, когда онъ приближался къ городу, открыта была стрѣльба съ праваго берега Аму-Дарьи, имѣющей въ этомъ мѣстѣ ширины около 100 сажень. Выстрѣлами шайки, успѣвшей переправиться чрезъ рѣку, ранены два рядовыхъ при обозѣ, причемъ одинъ изъ нихъ упалъ въ рѣку и утонулъ. Нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій шайка была разсѣяна.

Хивинскія войска, въ числѣ до 6,000 челов., съ нѣсколькими орудіями, послѣ отступленія изъ лагеря на Карабайли, рассчитывали удержаться въ лагерѣ при Ходжейли и въ самомъ городѣ, но рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ заставило ихъ обратиться въ бѣгство. Большая часть хивинскихъ войскъ ушла по направленію къ Хивѣ; часть же, преимущественно каракалпаки, бросилась въ лодки и вплавь на правый берегъ Аму-Дарьи, причемъ многіе изъ нихъ потонули. При поспѣшномъ отступленіи хивинскими войсками было оставлено одно полевое орудіе (мѣдное, подходящее, по размѣрамъ, къ 12-фунтовой облегченной пушкѣ), которое и взято нашими войсками.

Потери въ нашихъ войскахъ, 15 мая, кромѣ двухъ упомянутыхъ рядовыхъ, не было; потеря непріятеля не могла быть въ точности опредѣлена.

Давъ въ Ходжейли двухдневный отдыхъ войскамъ, генераль Веревкинъ предполагалъ 18 мая двинуться далѣе вдоль Аму-Дарьи, на Мангытъ, откуда, если не получится точныхъ извѣстій о положеніи туркестанскихъ войскъ, намѣренъ былъ продолжать движеніе на Новый Ургенчъ, чтобы скорѣе войти въ связь съ войсками генерала фонъ-Кауфмана.

Въ Ходжейли не предполагалось оставлять никакого гарнизона; для обезпеченія же сообщеній генераломъ Веревкинымъ объявлено жителямъ и лицу, назначенному изъ нихъ же начальникомъ города, что, въ случаѣ появленія въ окрестностяхъ непріятельскихъ шаекъ и нападенія на нашихъ чабаровъ и транспорты, городъ будетъ преданъ разграбленію.

По занятіи Ходжейли 15 мая и двухдневномъ отдыхѣ, вой-

ска оренбургскаго и мангышлакскаго отрядовъ выступили далѣе вверхъ по лѣвому берегу Аму, по дорогѣ на Мангытъ.

Почти во все время движенія, войска соединеннаго отряда были неоднократно атакованы хивинскими скопищами, но всѣ эти нападенія были отбиты, и городъ Мангытъ, жители котораго (узбеки) принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ отряда, былъ взятъ съ боя нашими войсками.

При дальнѣйшемъ движеніи отъ Мангыта къ гор. Китаю, была сдѣлана хивинцами попытка ворваться въ обозъ отряда, но прикрытіе его успѣшно отразило смѣлое нападеніе непріятеля.

22 мая, на переходѣ по крайне стѣсненному каналами, садами и зданіями дефиле къ гор. Гурлену, отрядъ былъ снова встрѣченъ значительнымъ скопищемъ хивинцевъ и іомудовъ, которое, послѣ энергическаго сопротивленія, было разбито и разсѣяно съ большимъ урономъ.

Отъ Гурлена генераль Веревкинъ двинулся съ ввѣреннымъ ему отрядомъ прямой дорогой на Хиву чрезъ Кятъ и Кошъ-Купыръ (лежащій въ одномъ переходѣ отъ Хивы), къ которому и прибылъ 25 мая.

Выступивъ 18 мая изъ Ходжейли, гдѣ отрядъ, какъ сказано выше, имѣлъ двухдневный отдыхъ, войска наши имѣли ночлегъ на каналѣ Суюнды, верстахъ въ 15 отъ Ходжейли, въ густомъ кустарникѣ, который, начинаясь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, тянется вверхъ по Аму, верстъ на 30. На разсвѣтѣ, 19 мая, хивинская шайка наткнулась на одинъ изъ нашихъ передовыхъ постовъ и, встрѣченная выстрѣлами, разсѣялась; но когда вслѣдъ затѣмъ высланъ былъ авангардъ изъ 2 сотенъ (2-й оренбургской и дагестанской конно-иррегулярной) и саперной команды, для устройства моста на пересѣкавшемъ дорогу арыкѣ, то шайка эта, засѣвъ въ кустахъ, встрѣтила сотни выстрѣлами. Сотни, однакожъ, продолжали безостановочно движеніе, перестрѣливаясь съ отступавшимъ непріятелемъ, который, достигнувъ болѣе открытаго мѣста, обратился въ бѣгство ¹⁾.

Въ этотъ день войска остановились на ночлегъ на берегу Аму, на уроч. Джелангачъ-чеганакъ, верстахъ въ восьми выше истока Лаудана и того пункта, гдѣ на картахъ показана крѣпость Бендъ ²⁾. Вечеромъ, чрезъ лазутчиковъ получено было изъ

¹⁾ При этой перестрѣлкѣ легко раненъ одинъ рядовой.

²⁾ На рукавѣ Лауданъ построена была въ этомъ мѣстѣ плотина, въ настоящее время полуразрушенная; выше и ниже плотины, русло рукава почти совершенно сухо. Около самой плотины, на берегу сухого русла, находятся развалины небольшого укрѣпленія или, лучше сказать, башни, длина фасовъ которой не превышаетъ 10 саж.

вѣстіе о томъ, что туркмены намѣрены произвести ночное нападеніе на лагерь, почему приняты были мѣры къ его отраженію. Ночь прошла, однакожъ, спокойно, и на другой день (20 мая), войска выступили далѣе по дорогѣ на Мангытъ.

Мѣстность на этомъ переходѣ представляетъ почти открытую равнину, лишь въ немногихъ мѣстахъ слегка холмистую и заросшую невысокими камышами. Арыки и сады имѣются лишь въ сосѣдствѣ города; послѣдніе тянутся полукругомъ по каналу, пересекающему городъ; дорога, вскорѣ по выступленіи съ мѣста ночлега, удаляется отъ рѣки на нѣсколько верстъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, города Мангытъ и Кинчакъ заняты были нѣсколькими тысячами отступившихъ изъ-подъ Ходжейли хивинскихъ войскъ, главнымъ образомъ состоявшихъ изъ туркменъ-іомудовъ. Но, имѣя въ виду, прежде всего возможно скорое сближеніе съ войсками генерала Кауфмана, ген. Вережкинъ рѣшился оставить Кинчакъ въ сторонѣ, предполагая, что съ занятіемъ Мангыта Кинчакъ будетъ очищенъ хивинцами. Такъ какъ упомянутыя топографическія условія допускали возможность кавалерійскихъ атакъ и быстрыхъ охватовъ со стороны непріятеля, то войскамъ дано было слѣдующее направленіе: вся кавалерія обоихъ отрядовъ (сотни: 2-я уральская, 2 и 6-я оренбургскія, двѣ терско-кубанскія и дагестанская конно-иррегулярная) уступами, сотня за сотней, съ обоихъ фланговъ, двинута была въ первой линіи, имѣя конную артиллерію въ срединѣ расположенія; два баталіона (2-й оренбургскій линейный и апшеронскій) во второй линіи, и въ общемъ резервѣ третій баталіонъ (соединенный изъ ротъ самурскаго и ширванскаго полковъ), съ двумя пѣшими орудіями. Войска оренбургскія составляли лѣвое, кавказскія—правое крыло общаго расположенія; ближайшее начальство надъ послѣднимъ поручено было полковнику Ломакину. Обозъ отдѣленъ былъ въ особую колонну, которой, дабы не связывать движенія войскъ, дано было вполнѣ самостоятельное прикрытіе изъ четырехъ ротъ и двухъ сотенъ, при двухъ пѣшихъ орудіяхъ.

Когда голова отряда отошла на пол-перехода отъ мѣста ночлега, впереди и влѣво, на возвышеніяхъ, замѣчены были густыя толпы непріятельскихъ всадниковъ. Прежде чѣмъ войска приблизились къ нимъ на дальность орудійнаго выстрѣла, толпы раздались въ обѣ стороны и длинною цѣпью старались охватить оба фланга общаго расположенія и зайти въ тылъ. Дабы сблизить линіи боевого порядка и подпустить непріятеля на разсто-

Это укрѣпленіе, вѣроятно, и нанесено на наши карты подъ названіемъ крѣпости Бенда. Другого Бенда жители не знаютъ.

яніе хорошаго ружейнаго выстрѣла, ген. Веревкинъ замедлилъ движеніе головныхъ частей, выславъ впередъ охотниковъ, въ видѣ фланкеровъ, которымъ приказалъ, между прочимъ, захватить живымъ, если удастся, кого-нибудь изъ наиболѣе смѣлыхъ одиночныхъ батырей; а между тѣмъ, замѣтивъ, что непріятель наѣдаетъ на лѣвый флангъ, приказалъ кавказскимъ сотнямъ выѣхать впередъ по дорогѣ, чтобы ударить ему въ тылъ въ то время, какъ оренбургскія сотни атакуютъ его съ фронта. Но прежде чѣмъ сотни эти успѣли выѣхать на надлежащую дистанцію, непріятельскіе наѣзники, встрѣченные огнемъ 6-й оренбургской и атаккой 2-й уральской сотенъ, бросились въ разсыпную влѣво, такъ что дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ признано было бесполезнымъ.

Между тѣмъ въ фланкерской цѣпи произошло нѣсколько одиночныхъ схватокъ. При этомъ подпоручикъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона Саранчовъ, выѣхавшій въ цѣпь охотниковъ, увлеченный преслѣдованіемъ нѣсколькихъ туременъ, съ четырьмя казаками былъ окруженъ значительною непріятельскою толпою. Въ это время подъ нимъ убита была лошадь, и онъ едва спасся отъ плѣна.

Въ это же время непріятельскія толпы показались на флангахъ второй (пѣхотной) боевой линіи и резерва. Видя это, полк. Ломакинъ направилъ ширванскія роты вправо, апшеронскій же баталіонъ съ двумя орудіями изъ резерва развернулся влѣво и, совмѣстно съ ротами 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона, мѣткимъ огнемъ заставилъ разсѣяться скопище, нѣсколько разъ бросавшееся съ гикомъ въ атаку. Часть его собралась снова впереди отряда, другая же бросилась на обозъ, стараясь ворваться, пользуясь неизбѣжной растянутостью его, при движеніи по мѣстности, пересѣченной каналами. Несмотря, однакожь, на то, что попытки атаковать обозъ продолжались весьма упорно, онъ остался совершенно безуспѣшными.

Между тѣмъ, голова отряда достигла высотъ, господствовавшихъ надъ всею мѣстностью до Мангыта. Немедленно выдвинуты были на позицію четыре орудія и нѣсколькими, весьма удачными, выстрѣлами заставили разсѣяться густыя толпы непріятеля, снова собравшагося впереди города; часть его бросилась въ городъ, другая заняла туркменскія зимовки, расположенныя отъ него вправо.

Поручивъ полковнику Ломакину съ лѣвымъ крыломъ двигаться прямо къ городу, ген. Веревкинъ съ правымъ крыломъ принялъ вправо, чтобы очистить зимовки. Но непріятель не выждалъ нашего приближенія и бросился къ городу. Тогда, пославъ

часть войскъ для его преслѣдованія и для сожженія зимовокъ (принадлежащихъ іомудамъ, которые дѣйствовали противъ насъ), ген. Веревкинъ направилъ весь отрядъ къ городу, который и былъ занятъ по слѣдамъ непріятеля. Войска встрѣчены были здѣсь выстрѣлами изъ домовъ, во дворахъ найдено много раненныхъ и убитыхъ, а также всюду видны были осѣдланныя и взмыленные лошади: все это показывало, что жители (узбеки) принимали участіе въ дѣйствіяхъ противъ отряда; при занятіи города нѣкоторые изъ нихъ заплатились за это жизнью, а дома ихъ были разорены.

Въ дѣлѣ при Мангытѣ непріятель выказалъ чрезвычайную энергію, упорство и неустрашимость: толпы неоднократно возобновляли натискъ и хотя, благодаря своимъ лошадямъ, могли быстро разбѣгаться, но столь же быстро вновь собирались для новыхъ стремительныхъ нападеній; одиночные храбрецы подскакивали къ войскамъ на самое близкое разстояніе, и, вообще, только недостатокъ сомкнутости, стойкости и единства мѣшалъ ему быть весьма опаснымъ соперникомъ. Въ дѣлѣ этомъ у насъ убитъ на мѣстѣ 1 офицеръ, неосторожно выѣхавшій впередъ.

Потери наши въ этотъ день составляли: убитыми одинъ оберъ-офицеръ и два казака, и четверо раненыхъ. Потери непріятеля были весьма значительны, хотя съ точностію опредѣлены быть не могутъ.

На другой день (21 мая), отрядъ выступилъ по дорогѣ на городъ Китай. Непріятеля впереди не было замѣтно; но во время привала, на переправѣ черезъ широкій каналъ Аталыкъ, изъ лѣсу справа появились непріятельскіе всадники въ значительномъ числѣ; вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что на обозъ (слѣдовавшій сзади подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ и двухъ сотенъ) сдѣлано сильное нападеніе. Нѣкоторыя части отряда вслѣдствіе этого были направлены вправо и въ тылъ, а полковнику Саранчову поручено пройти съ полусотней къ обозу, чтобы дать соотвѣтствующее направленіе частямъ для отогнанія шаякъ. Встрѣченный огнемъ ротъ ширванскаго и самурскаго полковъ и оренбургской ракетной команды, непріятель, дѣлавшій попытку противъ головы отряда, быстро скрылся въ лѣсу, но тѣмъ съ большимъ упорствомъ сталъ насѣдать на обозъ, растянувшійся на нѣсколько верстъ по причинѣ множества дефиле, образуемыхъ арыками. Но попытка ворваться въ обозъ и произвести въ немъ безпорядокъ не повела ни къ чему. Чтобы облегчить движеніе обоза, полк. Саранчовъ съ ближайшими частями прикрытія произвелъ наступленіе вправо, чѣмъ заставилъ непріятеля удалиться и онъ болѣе не беспокоилъ войска въ этотъ день.

При выступленіи изъ Мангыта, получивъ извѣстіе, что часть туркменъ, нападавшихъ на отрядъ 20 мая, отступила по дорогѣ на Клычъ-ніазъ-бай, ген. Веревкинъ, одновременно съ движеніемъ главныхъ силъ на Китай, выслалъ летучій отрядъ изъ двухъ сотенъ, при ракетныхъ станкахъ, по дорогѣ на Клычъ, для разсѣянія находившихся здѣсь шаякъ и для уничтоженія туркменскихъ зимовокъ, что и исполнено вполне успѣшно и безъ потерь съ нашей стороны.

На ночлегъ войска остановились на каналѣ Каракузъ, верстахъ въ 2-хъ отъ Китая, жители котораго, какъ и другихъ лежащихъ на пути городовъ: Яши-яба, Гурлена и Кята, выслали депутатовъ съ изъявленіемъ полной покорности.

На другой день (22-го мая) войскамъ предстояло сдѣлать переходъ мимо Яши-яба и Гурлена по мѣстности, представляющей сплошное дефиле изъ мостовъ, каналовъ, садовъ и отдѣльных зданій, изъ которыхъ каждое, будучи обнесено высокой и толстой зубчатой стѣной, могло быть превращено въ самостоятельное укрѣпленіе. Въ рукахъ сколько-нибудь опытнаго противника, подобнаго рода мѣстность могла представить непреодолимые затрудненія для атаки. Имѣя это въ виду и получивъ извѣстіе, что непріятель, въ числѣ не менѣе 10,000 челов., собирается возобновить нападеніе, ген. Веревкинъ двинулъ войска съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, имѣя шесть конныхъ и два пѣшихъ орудія и баталіоны 2-й оренбургскій, соединенный ширванско-самурскій, въ ротныхъ колоннахъ въ первой боевой линіи, четыре казачьихъ сотни, уступами за обоими флангами пѣхоты, во второй, и въ общемъ резервѣ три роты апшеронскаго полка и двѣ сотни, при 2-хъ пѣшихъ орудіяхъ. На резервъ возложена была обязанность оказывать, въ случаѣ надобности, содѣйствіе какъ главнымъ силамъ, такъ и обозу, который слѣдовалъ сзади особой колонной, съ сильнымъ прикрытіемъ. Такое, весьма широкое по фронту и въ то же время представляющее связь между всѣми частями отряда, расположеніе принаровлено было къ тактикѣ противника, дѣйствующаго преимущественно на фланги и тылъ, но не выдерживающаго натиска съ фронта: поэтому центръ расположенія могъ быть ослабленъ безъ всякаго опасенія прорыва.

Едва головныя части отряда углубились въ сады, начавшіеся съ первой же версты отъ мѣста ночлега, какъ впереди, за арыками и кишлаками, стали показываться толпы непріятеля. Къ счастью, онъ не сумѣлъ воспользоваться вполне выгодами своей позиціи; хотя во многихъ зданіяхъ пробиты были бойницы, но только нѣкоторыя изъ нихъ заняты были спѣшившимся непріа-

телемъ, который, при приближеніи нашихъ войскъ, по большей части спѣшилъ сѣсть на коней и ускакать.

Такимъ образомъ, преодолевая на каждомъ шагу препятствія, войска медленно, но въ порядкѣ, на разстояніи 10-ти верстъ, подвигались впередъ, тѣсняя непріятеля и поддерживая рѣдкую перестрѣлку, пока не достигли выхода на открытое мѣсто. Здѣсь, на обширной полянѣ, непріятель собралъ всѣ свои силы, въ числѣ не менѣе 10,000 всадниковъ, имѣя въ виду обрушиться на насъ при выходѣ изъ лѣса.

Опушка въ этомъ мѣстѣ имѣла косвенное направленіе къ пути движенія отряда, такъ что правое крыло боевого порядка (войска кавказскія, подъ начальствомъ полк. Ломакина) флангомъ своимъ должно было достигнуть ея раньше лѣваго. Когда кавказская цѣпь вышла такимъ образомъ на опушку, резервы ея находились еще далеко сзади, будучи задержаны на переправѣ, по мосту, черезъ глубокой и широкой арыкъ, отдѣленный отъ цѣпи болотистымъ и топкимъ полемъ. Видя, что цѣпь очутилась лицомъ къ лицу съ нѣсколькими тысячами всадниковъ, продолжавшихъ наступленіе, несмотря на частую пальбу, полк. Ломакинъ потребовалъ резервъ и тотчасъ подошедшія двѣ роты, самурская и ширванская, огнемъ удержали натискъ непріятеля.

Находясь вмѣстѣ съ штабомъ въ центрѣ цѣпи, ген. Вережкинъ подъѣхалъ въ это время къ опушкѣ и увидѣлъ все поле впереди и вправо усѣяннымъ гарцующими всадниками. Въ это время изъ кишлака, расположеннаго на самой опушкѣ, открыта была непріателемъ стрѣльба по свитѣ генерала, почему приказано было полувзводу цѣпи выбить непріятеля изъ кишлака, а взводъ конной батареи направленъ къ правому крылу, гдѣ слышна была сильная пальба, въ то время, какъ два орудія поставлены были на позицію въ центрѣ расположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣвое крыло цѣпи съ своими резервами, которымъ при движеніи въ лѣсу приказано было держаться какъ можно ближе, подошло по опушкѣ. Меткая стрѣльба пѣхоты и перекрестный огонь артиллеріи на обоихъ флангахъ и въ центрѣ заставили непріятеля обратиться въ самое поспѣшное бѣгство, оставивъ на равнинѣ болѣе 100 человекъ убитыми.

Одновременно съ нападеніемъ на голову отряда, непріятель произвелъ нападеніе на правый флангъ резерва и на обозъ. Огонь артиллерійскаго взвода и стрѣлковой роты ашшеронскаго полка отразили это нападеніе. Получивъ между тѣмъ извѣстіе, что колесный обозъ, двигавшійся сзади, подвергся нападенію въ узкомъ дефиле, двѣ полусотни, сунженская и № 3-го оренбургская, по-

скакали на выручку и принудили непріятеля отступить отъ головы обоза, въ то время, какъ хвостъ его былъ защищаемъ саперной и обозной командой 1-го баталіона.

Неоднократныя и стремительныя нападенія на верблюжій обозъ отражены были также съ полнымъ успѣхомъ.

Когда голова отряда вышла на опушку, непріятеля уже не было видно. Преслѣдованіе его ген. Веревкинъ призналъ бесполезнымъ, такъ какъ въ верстѣ разстоянія снова начинались сады и арыки. Поэтому, прошедши еще нѣсколько верстъ, начальникъ отряда остановилъ войска на ночлегъ.

Потери наши въ этотъ день состояли изъ одного убитаго унтеръ-офицера и двухъ раненыхъ (въ обозѣ) казаковъ; кромѣ того, выбыло изъ строя шесть казачьихъ лошадей и два отбитыхъ верблюда съ выюками.

Потери непріятеля были сравнительно огромны: въ лѣсу и на равнинѣ насчитано было не менѣе 200 труповъ, брошенныхъ имъ, вопреки коренного обычая азіатцевъ увозить своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Дѣло это должно было произвести сильное впечатлѣніе на непріятеля: здѣсь собраны были имъ всѣ наличныя силы, онъ употребилъ въ дѣло всю свою энергію и, по показаніямъ лазутчиковъ, рассчитывалъ на побѣду, такъ какъ іомуды обѣщали хану не возвращаться безъ полного успѣха. Дальнѣйшіе факты подтверждаютъ это заключеніе: послѣ дѣла 22-го мая, разстроенные іомуды разошлись по своимъ домамъ и окрестнымъ кишлакамъ для грабежей.

Вслѣдъ за этимъ дѣломъ послѣдовали также и заявленія со стороны хана: въ этотъ же день явился къ ген. Веревкину посланецъ съ письмомъ хана, въ которомъ послѣдній, ссылаясь на условія, будто бы заключенныя имъ съ ген. фонъ-Кауфманомъ, просилъ пріостановить движеніе войскъ, но начальникъ отряда отвѣчалъ на это письмо отказомъ.

Выступивъ утромъ 23-го мая, въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, отрядъ встрѣчалъ впереди лишь одиночныхъ людей, которые быстро удалялись при приближеніи войскъ.

Но, достигнувъ канала Клычъ-ніазъ-бай, войска встрѣтили неожиданное препятствіе: непріятель догадался при отступленіи сломать мостъ на этомъ широкомъ и глубокомъ арыкѣ. Пустивъ въ догонку быстро уходившей отъ моста толпѣ два удачныхъ артиллерійскихъ выстрѣла, отрядъ былъ остановленъ на ночлегѣ, такъ какъ имѣющихся при отрядѣ понтонныхъ принадлежностей оказалось недостаточно для быстрой наводки моста, устройство же моста изъ сырыхъ матеріаловъ должно было занять не менѣе

полу-сутокъ времени. Люди, немедленно приступивъ къ работѣ, продолжали ее въ теченіе цѣлой ночи и къ утру мостъ, длиною въ 27 сажень, былъ готовъ.

Въ то время, какъ войска расположились уже лагеремъ, съ другого берега арыка слышались фальконетные выстрѣлы, направленные, повидимому, изъ небольшого лѣса, лежавшаго въ полу-верстѣ разстоянія. Чтобы очистить этотъ лѣсъ отъ непріятеля и занять мостъ на рѣчкѣ, верстахъ въ 6-ти впереди лагеря, начальникъ отряда послалъ три сотни съ саперной командой въ бродъ и вплавъ чрезъ арыкъ. Непріятель ушелъ, не выждавъ удара и не успѣвъ испортить мостъ.

24-го мая, совершивъ весьма затруднительную переправу чрезъ Клычъ-ніазъ, ген. Веревкинъ двинулся далѣе, выславъ впередъ авангардъ изъ двухъ сотенъ для занятія моста на каналѣ Ярмышъ въ Кятъ-Кунградѣ. Авангардъ успѣлъ захватить мостъ въ то время, какъ небольшая непріятельская шайка готовилась его уничтожить. Отрядъ двигался совершенно спокойно въ походномъ порядкѣ; всѣ промежуточные мостики и каналы исправлены были мѣстными жителями, по приказанію начальника отряда. У гор. Кятъ, послѣ переправы черезъ Ярмышъ, отрядъ, сдѣлавъ переходъ не болѣе 12-ти верстъ, остановленъ былъ на ночлегъ, что было совершенно необходимо, такъ какъ обозъ, задержанный переправой, сильно отсталъ отъ отряда; авангардъ же, усиленный еще одною сотнею, выдвинутъ былъ къ слѣдующей переправѣ черезъ каналъ Шахъ-абатъ, гдѣ и расположился на ночлегъ, отогнавъ мелкія непріятельскія партіи, собиравшіяся зажечь мостъ.

25-го мая, переходъ до Кошъ-Купыра совершенъ былъ также спокойно; авангардъ едва успѣлъ захватить мостъ на каналѣ Казаватъ: наѣздники изъ линейныхъ казаковъ, не доходя до города, наткнулись на непріятельскій пикетъ и, ворвавшись на его плечахъ въ брошенный жителями городъ, подоспѣли къ мосту въ то время, когда часть его уже была разобрана, а другая подожжена. Непріятель, засѣвшій въ садахъ на противоположномъ берегу, былъ выбитъ оттуда спѣшенными взводами № 9-го оренбургской сотни. Какъ только подошла голова отряда, поврежденія моста были быстро исправлены, такъ что отрядъ, несмотря на значительный переходъ, успѣлъ съ обозомъ переправиться въ тотъ же день черезъ каналъ. Городъ Кошъ-Купыръ найденъ совершенно пустымъ: жители вмѣстѣ съ семействами перебрались въ Хиву, по приказанію хана, для ея защиты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Оренбургъ.

Ф. Лобысевичъ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

и

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ПОХОДА.

Окончаніе *).

Пока оренбургскій отрядъ, подъ начальствомъ ген. Веревкина, двигался по степямъ, и наконецъ, 25-го мая, достигъ г. Кошъ-Куныра, манглишласскій отрядъ полк. Ломакина совершилъ благополучно переходъ отъ Ильтеидже на Итыбай и оттуда, по полученному 6-го мая приказанію ген. Веревкина, на Кунградъ, въ обходъ солончаковъ Барса-Кильмась, черезъ высохшій Айбугирскій заливъ.

Семидневный переходъ полк. Ломакина до Кунграда, послѣ чего манглишласскій отрядъ соединился съ оренбургскими войсками 12-го и 14-го числа, можно назвать труднѣйшимъ изъ всего похода. Утомленные и безъ того уже почти 500-верстнымъ переходомъ, имѣя на пути всего пять дневокъ и дѣлая, среднимъ числомъ, около 30-ти верстъ ежедневно, войска были, сверхъ того, подѣ конецъ этого пути ослаблены еще дурной водой въ Табынъ-Су и Итыбаѣ, содержащей въ себѣ обильный растворъ глауберовой соли и большое количество извести; несмотря на все это, усиленный переходъ до Кунграда (250 верстъ,

*) См. выше: авг. 583; окт. 718 стр.

въ томъ числѣ 75 верстъ безъ воды), необходимый, чтобы оказать во-время отряду ген. Веревкина содѣйствіе, такъ какъ онъ одинъ находился въ ханствѣ, совершенъ былъ блистательно: въ кунградскомъ лазаретѣ оставлено было всего шесть человѣкъ заболѣвшихъ и около 20-ти человѣкъ съ потертыми ногами.

Въ Кунградѣ изъ мангишлякского отряда оставлены были: горный взводъ, сборная сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка изъ наиболѣе побившихся коней, а также одинъ саперъ для указанія рабочимъ, какимъ образомъ привести въ оборонительное положеніе одно большое зданіе у Кунграда, предназначенное для помѣщенія кунградскаго гарнизона (одной роты и одной сотни оренбургскаго и одной сотни и горнаго взвода кавказскаго отряда).

Присоединеніе кавказскаго отряда къ оренбургскому (кавалеріи 12-го, а пѣхоты 14-го числа) совершилось за Кунградомъ какъ нельзя болѣе кстати и вполне своевременно. Хивинскія войска, тысячъ до 10—12-ти, при 6-ти орудіяхъ, подъ предводительствомъ высшихъ сановниковъ ханства (кушъ-беги, диванъ-беги, инака и мехтера), собиравшіяся встрѣтить оренбургскія войска у канала Карабайлы, при истокѣ его изъ Аму-Дарьи, и выстроившія подлѣ два укрѣпленныхъ лагеря, узнавъ о прибытіи кавказскихъ войскъ, очистили ихъ безъ выстрѣла.

Вступивъ въ предѣлы ханства, войска получили награду за понесенные труды при движеніи по пустынѣ: они пришли въ восторгъ, когда издали увидѣли синеву надъ бывшимъ Айбугирскимъ заливомъ; она показала имъ, что недалеко осталось идти до страны населенной, обработанной и обильной водою. Ночевать пришлось на спускѣ съ Усть-Урта, безъ воды. Хотя въ этомъ заливѣ была прѣсная вода и высохъ онъ лѣтъ десять тому назадъ, о чемъ можно судить по довольно толстому саксаулу, но въ найденныхъ глубокихъ колодцахъ вода оказалась до того соленою, что ее не могли пить даже лошади. Здѣсь ясно обнаружилось, что если бы войска продолжали наступать къ Айбугиру по прежнему маршруту, рассчитывая на воду въ Акъ-Чеганакѣ, то жестоко ошиблись бы, такъ какъ всѣ расчеты основывались на прѣсной водѣ, которую полагали найти въ Айбугирскомъ заливѣ. 12-го числа, послѣ мѣсячнаго похода, кавказцы увидѣли, наконецъ, впервые воду въ безчисленныхъ каналахъ, обработанные поля и осѣдлая жилища. Страна, въ которую вступали войска, представляла на каждомъ шагу образцовое земледѣліе, культурную обработку и орошеніе. Офицеры, бывавшіе за границей, сравнивали хивинскій оазисъ, по оро-

шенію и обработкѣ земли, съ сѣверной Италіей. Производительность и богатство занятого войсками края такъ велики, что его можно назвать житницей хивинскаго ханства. Обеспеченіе мангишлякскаго отряда пшеничною мукою, рисомъ и джугары (послѣднею для лошадей вмѣсто ячменя) на продолжительное время, не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Такимъ образомъ, мангишляксій отрядъ съ 14-го апрѣля, т.-е. со дня выступленія перваго эшелона изъ Киндерли, по 15-е мая включительно, сдѣлалъ до 700 верстъ. Независимо отъ этого, зимою настоящаго года, для сбора верблюдовъ, пройденъ былъ путь около 500 верстъ, и въ апрѣлѣ, изъ Киндерли къ Карабугазу и къ Ченжиру, а также при слѣдованіи верблюдовъ изъ форта въ Киндерли, сдѣлано до 1040 верстъ. Всего пройдено войсками мангишлякскаго отряда въ этомъ голу, до 15-го мая включительно, 2200 верстъ. Постоянные переходы не менѣе, среднимъ числомъ, 26 верстъ въ сутки, были и безъ того уже, сами по себѣ, велики, но трудность ихъ увеличивалась еще главнымъ образомъ отъ тропическихъ жаровъ и недостатка въ водѣ, въ особенности при движеніи отъ кол. Ильтеидже; причемъ, до самаго вступленія въ предѣлы хивинскаго ханства войска встрѣчали на пути только одиночные колодцы и притомъ чрезвычайно глубокіе (наименьшая глубина 12—15 саж., и два въ 30 саж.) и узкіе—діаметромъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш. Напоить людей и животныхъ изъ этихъ колодцевъ было дѣло чрезвычайно трудное. При опусканіи нѣсколькихъ ведеръ вмѣстѣ, веревки путались, ведра обрывались, приходилось опускать людей въ колодцы, чтобы достать ведра. Чтобы напоить отрядъ изъ трехъ ротъ пѣхоты изъ глубокаго колодца, требовалось отъ 15-ти до 20-ти часовъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ большой переходъ, люди не имѣли достаточнаго отдыха; приходилось иногда по утрамъ подавать повѣстку къ выступленію въ то время, когда люди еще ужинали. Въ довершеніе ко всему, вода оказывалась дурного качества или съ большою примѣсью извести (вода, которая только распаляла жажду, а не утоляла ее), или съ большимъ содержаніемъ глауберовой соли, отчего страдали диссентеріей не только всѣ безъ исключенія люди, но лошади и верблюды, или, наконецъ, съ примѣсью соли. Изъ одного колодца разъ вытащили предавшагося сильной гнилости барана.

Пройденный мангишляксскимъ отрядомъ путь казался киргизамъ, находившимся при отрядѣ, до того труднымъ, что они были вполне увѣрены въ томъ, что войска по немъ не пройдутъ. Они думали, какъ сами впослѣдствіи говорили, что русскіе, придя въ

Бишъ-Акты, или потомъ до Ильтеидже, построить крѣпость и уйдуть домой. Только тогда, когда авангардная колонна дошла до Итыбая, сомнѣнія киргизовъ кончились. Такого же, по всей вѣроятности, было убѣжденіе и хивинцевъ, чѣмъ и объясняется, что они не засыпали и не отравили на пути отряда ни одного колодца, чѣмъ могли бы поставить войска въ самое затруднительное положеніе.

25-го мая, соединенный оренбургскій отрядъ двинулся далѣе съ цѣлью подойти къ самымъ стѣнамъ Хивы.

Небольшой переходъ 26-го мая совершенъ былъ вполне спокойно. Отойдя верстъ восемь отъ ночлега, выбрано было удобное для стоянки и для обороны мѣсто у канала Хатыръ-Туть, въ ханскомъ саду Чанакчикъ, гдѣ и расположенъ отрядъ, отъ котораго высланъ былъ авангардъ изъ двухъ сотенъ (1-я уральская и сунженская), подъ начальствомъ подполковника Скобелева, на передовую позицію верстахъ въ двухъ отъ лагеря. Авангарду приказано было, въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ, оттѣснить его къ городу, но отнюдь не увлекаться преслѣдованіемъ. Но, прежде чѣмъ отрядъ успѣлъ окончательно расположиться лагеремъ, въ авангардѣ послышались выстрѣлы и получено было донесеніе, что непріателемъ произведено нападеніе, и что кавалерія главныхъ силъ съ ракетными командами направилась на выстрѣлы. Выславъ къ авангарду два конныя орудія и приказавъ пѣхотѣ оставаться на мѣстѣ, для защиты лагеря, ген. Вережкинъ поручилъ полк. Саранчову, для разъясненія дѣла, спѣшить къ авангарду, куда и самъ направился вслѣдъ затѣмъ. Полковникъ Саранчовъ засталъ непріателя, въ значительныхъ силахъ, отступающимъ по направленію къ городу, почему, въ ожиданіи прибытія ген. Вережкина, остановилъ войска, выставилъ артиллерію на позицію и приказалъ ей открыть стрѣльбу. Подѣхавъ въ это время къ авангарду, ген. Вережкинъ направилъ полк. Леонтьева съ двумя сотнями для преслѣдованія непріателя, но убѣдившись, что поражаемый артиллерійскими выстрѣлами онъ обратился въ поспѣшное бѣгство, вскорѣ приказалъ сотнямъ вернуться въ лагерь, оставивъ авангардъ, усиленный еще одною ротою Апшеронскаго полка, на передовой позиціи.

Утромъ, 27-го мая, густыя толпы непріателя, пробравшись стороной вдали отъ авангарда, бросились на оба фланга лагернаго расположенія, напирая преимущественно на лѣвый флангъ,

ближе къ которому, впереди лагеря, паслись верблюды. Караульные посты открыли пальбу, по которой войска были подняты на тревогу, между тѣмъ какъ толпы непріятеля ворвались въ верблюжій табунъ, стараясь его отогнать.

Въ это время, 1-я уральская и дагестанская сотни, при двухъ ракетныхъ станкахъ, оставивъ пѣхоту на передовой позиціи, двинулись влѣво и наскочили на непріятельскую пѣхоту, находившуюся, повидимому, въ резервѣ, и на значительную массу кавалеріи, которая, по отбитіи ея отъ лагеря, съ частью захваченныхъ верблюдовъ, спѣшила пробраться въ городъ. Быстро и рѣшительно пущенныя въ атаку, обѣ сотни эти успѣли настигнуть непріятельскую конницу и ударили въ пашки; непріятель, бросивъ верблюдовъ, обратился въ бѣгство, но часть его была изрублена въ свалкѣ; особенно удачно дѣйствовали въ этомъ случаѣ дагестанцы.

Одновременно съ нападеніемъ на лѣвый флангъ, непріятель, въ незначительныхъ силахъ, показался изъ опушки кустовъ противъ праваго фланга лагернаго расположенія, но былъ вскорѣ отогнанъ стрѣльбою пѣхотныхъ частей, оставшихся въ лагерѣ.

Послѣ окончательнаго отраженія непріятеля, признавая дальнѣйшее преслѣдованіе его бесполезнымъ, ген. Веревкинъ приказалъ отвести войска въ лагерь, оставивъ авангардъ изъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ на мѣстѣ, и поручивъ подполковнику Скобелеву, совмѣстно съ капитаномъ генеральнаго штаба Ивановымъ, въ тотъ же день произвести тщательную рекогносцировку мѣстности, въ разстояніи двухъ верстъ отъ передовой позиціи, съ тѣмъ, чтобы авангардъ къ ночи былъ переведенъ впередъ, если для этого выбрано будетъ удобное мѣсто. Порученіе это было исполнено вполне удачно, и авангардъ расположился на новой позиціи, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, чтобы ближайшимъ сосѣдствомъ къ непріятелю наиболѣе обезпечить спокойствіе войска на ночлегѣ и при выступленіи на слѣдующій день; въ подкрѣпленіе ему, на разсвѣтѣ, посланы были еще одна сотня и два конныя орудія. Какъ во время этой рекогносцировки, такъ и утромъ слѣдующаго дня, авангардъ имѣлъ незначительныя стычки съ непріятелемъ.

Дѣйствія непріятеля въ теченіе 26-го и 27-го мая показывали, что смѣлость его увеличивается съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ войска, утомленныя десятидневнымъ безостановочнымъ движеніемъ, въ постоянныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, нуждались уже въ отдыхѣ; кромѣ того, отвага непріятеля наводила также на мысль,

что туркестанскія войска еще далеко отъ Хивы. Поэтому ген. Веревкинъ счелъ наиболѣе благоразумнымъ, выждавъ до полудня 28-го мая приказаній отъ ген. Кауфмана, въ 12 часовъ этого числа сняться съ позиціи, съ тѣмъ, чтобы оставивъ тяжести на авангардной позиціи, съ войсками подойти къ городу на дальность артиллерійскаго выстрѣла, и выбравъ удобное мѣсто, обстрѣлять городъ перекидными выстрѣлами изъ нарѣзныхъ орудій, чтобы тѣмъ подѣйствовать на духъ непріятеля, а между тѣмъ, воспользоваться этимъ случаемъ для ближайшей рекогносцировки окрестностей сѣверной части стѣны.

Войска были двинуты по дорогѣ въ общей колоннѣ, имѣя пѣхоту съ артиллеріей впереди, кавалерію сзади; обозъ съ самостоятельнымъ прикрытіемъ слѣдовалъ въ особой колоннѣ. Подойдя къ позиціи, занимаемой авангардомъ (верстахъ въ четырехъ отъ города), обозъ съ своимъ прикрытіемъ былъ остановленъ; авангардъ также оставленъ на позиціи, въ видѣ общаго резерва; войска же приняли вправо отъ дороги, гдѣ было открытое мѣсто, позволявшее развернуть свободно наши силы. Какъ только голова отряда вышла на поляну, ограниченную слѣва садами, справа же песчаными барханами, и впереди ихъ болотомъ, передъ ними, изъ-за садовъ, стали показываться непріятельскіе всадники въ значительномъ числѣ. Построивъ войска въ боевой порядокъ, ген. Веревкинъ выдвинулъ взводъ пѣшей и дивизионъ конной артиллеріи на позицію. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ заставили непріятеля броситься частью къ городу, частью же вправо за болото, откуда онъ также былъ выбитъ тремя-четырьмя мѣткими гранатами.

Войска, между тѣмъ, продолжали наступленіе, принявъ снова влѣво, чтобы выйти на дорогу; кавалеріи приказано было держаться сзади, для прикрытія фланговъ. Непріятеля не было видно; не видно было также и города, закрытаго садами. Наконецъ, когда голова колонны вышла на большую дорогу, съ высоты кирпиче-обжигательной печи, въ разстояніи около 1200 сажень отъ стѣны, изъ-за садовъ обнаружились минареты и башни Хивы; впереди, саженьхъ въ полутора, находилась открытая поляна, удобная для расположенія батарей. Войска выстроены были въ окончательный боевой порядокъ и двинуты для занятія позиціи; но какъ только головныя части показались изъ-за стѣны, ограждавшихъ дорогу, послышалась сильная артиллерійская стрѣльба со стороны города, и ядра стали ложиться между рядами войскъ; вскорѣ послышались фальконетные выстрѣлы и свистъ пуль. При-

казавъ шести орудіямъ, находившимся въ 1-й линіи, сняться съ передковъ и открыть огонь, ген. Веревкинъ велѣлъ пѣхотѣ продолжать наступленіе, принявъ вправо и влѣво, дабы не мѣшать дѣйствию орудій.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій, непріятельскій артиллерійскій огонь ослабѣлъ; тогда приказано было артиллеріи продолжать наступленіе до новой позиціи.

Между тѣмъ пѣхотная цѣпь со своими резервами, двигаясь въ страшной пыли по лабиринту, образованному садами, строе-ніями, каменными стѣнками и канавами, попала подъ сильный непріятельскій огонь: ядра, фальконетная картечь и ружейныя пули, хотя мало дѣйствительныя, направлялись массой изъ са-довъ и зданій, окружающихъ стѣну. Оказалось, что непріятель-ская батарея, дѣйствовавшая противъ отряда, расположена была внѣ городской стѣны въ разстояніи не болѣе 200 сажень отъ цѣпи. Не желая подвергать войска бесполезной потерѣ, ген. Ве-ревкинъ приказалъ овладѣть батареею. Стоявшія въ первой линіи двѣ роты 2-го оренбургскаго и двѣ роты ашшеронскаго баталіо-новъ двинулись стремительно въ атаку.

Когда цѣпь находилась уже въ разстояніи 100 саж. отъ непріятельской батареи, слѣва изъ садовъ показалась толпа не-пріятельскихъ всадниковъ, устремившихся на нашъ лѣвый флангъ, почему было приказано пріостановить движеніе и направить огонь стрѣлковъ и казачьей ракетной команды навстрѣчу непріятеля. Толпы обратились въ бѣгство, роты же 2-го баталіона бросились снова на батарею. Но роты ашшеронскаго полка, двигаясь без-остановочно, уже успѣли ихъ предупредить: давъ нѣсколько зал-повъ по прикрытію, роты быстро овладѣли мостомъ и находя-щимися за нимъ орудіями, въ то время когда 2-й баталіонъ подходилъ къ мѣсту схватки ¹⁾. Между тѣмъ непріятель открылъ сильный ружейный и фальконетный огонь съ городской стѣны; тогда приказано было стрѣлкамъ 2-го баталіона залечь за ка-навой влѣво отъ моста, расположивъ резервы за закрытіями.

Пославъ приказаніе нашей батарее ускорить движеніе и занять позицію у моста, генераль Веревкинъ въ это время при-былъ на мѣсто боя. Получивъ донесеніе, что за каналомъ, ближе къ городской стѣнѣ, расположено еще одно орудіе, ген. Верев-

¹⁾ Вмѣстѣ съ ашшеронцами въ отбитіи орудія участвовалъ полувзводъ стрѣлковой роты 1-го баталіона, который при движеніи къ городу оставленъ былъ для осмотра одного подозрительнаго зданія, а затѣмъ двинулся на выстрѣлы.

кинъ далъ полковнику Ломакину разрѣшеніе направить часть людей чрезъ мостъ, чтобы захватить его. Ширванскія роты овладѣли орудіемъ, но вывезти его не могли и, засѣвъ за закрытіями, поддерживали перестрѣлку. Эти атаки дали возможность разъяснить вполнѣ положеніе наше относительно непріятеля и ознакомиться съ мѣстностью. Городская стѣна оказалась въ разстояніи 100 саж. отъ занятаго нами моста; для овладѣнія открытою силою она была малодоступна, тѣмъ болѣе, что такъ какъ штурма производить вовсе не предполагалось, то штурмовыя лѣстницы не были заготовлены; притомъ, отбитіемъ непріятельской батареи и изслѣдованіемъ мѣстности ген. Веревкинъ считалъ цѣль рекогносцировки болѣе чѣмъ достигнутою, и потому рѣшился: выставивъ батарею у моста, открыть сильный огонь по городу и воротамъ какъ для того, чтобы произвести должное впечатлѣніе, такъ и для того, чтобы подбить непріятельскія орудія и повредить стѣну и ворота; затѣмъ, подъ прикрытіемъ огня батареи и стрѣлковой цѣпи, залегшей за каналомъ, вывести людей изъ-за канала; и, наконецъ, выбравъ позицію въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ города, но внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ, отвести сюда войска, выставивъ впереди, подъ сильнымъ прикрытіемъ, мортирную батарею для бомбардированія города, съ тѣмъ чтобы, на другой день, если не послѣдуетъ мирныхъ заявленій, заложить ночью брешь-батарею для производства обвала.

Но, не успѣвъ отдать всѣхъ соотвѣтствующихъ приказаній, ген. Веревкинъ былъ раненъ и принужденъ удалиться на перевязочный пунктъ, передавъ начальство надъ войсками начальнику штаба отряда полковнику Саранчову. Исполняя упомянутыя предположенія ген. Веревкина, полк. Саранчовъ выбралъ позицію для расположенія лагеря и батарей; бывшія въ резервѣ войска подъ начальствомъ подполк. Скобелева заняли позицію для прикрытія обратнаго движенія войска; части бывшія въ дѣлѣ получили приказаніе отходить въ шахматномъ порядкѣ; кавалерія, остановленная внѣ выстрѣловъ, прикрывала оба фланга; два изъ числа отбитыхъ орудій вывезены были подъ выстрѣлами изъ-за канала черезъ мостъ и взяты съ войсками, третье же, за невозможностью провезти его безъ большихъ потерь по узкому дефилю подъ ближайшимъ огнемъ со стѣнъ, оставлено было за каналомъ.

Но прежде чѣмъ войска успѣли сняться съ позиціи, а артиллерія прекратить огонь, изъ города высланъ былъ главный ишанъ, для мирныхъ переговоровъ. Приказавъ прекратить огонь, полков-

никъ Саранчовъ заявилъ ему слѣдующія условія: 1) дѣйствія наши прекращаются на три часа; 2) по истеченіи ихъ изъ города должна выйти депутація почетныхъ лицъ и привести съ собою для выдачи, сколько успѣютъ собрать, орудій и другого оружія; 3) такъ какъ генераль Веревкинъ не уполномоченъ прекратить совершенно военныя дѣйствія, то старшее въ городѣ лицо немедленно должно отправиться къ генералу Кауфману за рѣшеніемъ его участи; 4) если, по истеченіи трехъ часовъ, не послѣдуетъ отвѣта, то городъ будетъ бомбардированъ.

Предложенія эти были одобрены ген. Веревкинымъ. Между тѣмъ войска были отведены на позицію, и немедленно приступлено было къ возведенію мортирной батареи.

По истеченіи назначеннаго срока, явился изъ Хивы новый посланецъ съ заявленіемъ, что въ городѣ полнѣйшій безпорядокъ, что туркмены не слушаются хана (который, по его словамъ, былъ въ городѣ¹⁾), и что жители просятъ прекратить дѣйствія до утра; выстрѣлы, которые непріятель между тѣмъ производилъ по нашимъ работамъ, посланецъ объяснялъ также неповиновеніемъ туркменъ.

Видя въ этомъ обычную у азіатцевъ уловку затянуть дѣло, полк. Саранчовъ, съ разрѣшенія ген. Веревкина, приказалъ открыть огонь съ мортирной батареи. Тотчасъ же снова явилась депутація съ просьбой отсрочки; но желая понудить непріятеля къ рѣшительной сдачѣ, полк. Саранчовъ не прекращалъ огня въ теченіи цѣлаго часа, и затѣмъ уже, уступая настоятельнымъ просьбамъ депутатовъ и обѣщаніямъ, что ни одного выстрѣла не будетъ сдѣлано изъ города, далъ имъ снова отсрочку на три часа, съ тѣмъ, что при первомъ же выстрѣлѣ со стѣны будетъ начато бомбардированіе.

Вскорѣ послѣ этого, получено было отъ генерала Кауфмана предписаніе о прекращеніи огня, если непріятель стрѣлять не будетъ. Полковникъ Саранчовъ, оставивъ батареи и прикрытіе на позиціи въ полной готовности, отдалъ приказаніе, чтобы огонь былъ прекращенъ и чтобы на случайные выстрѣлы, которые могутъ быть произведены со стѣны, наша артиллерія не отвѣчала. Ночь прошла спокойно, хотя непріятель продолжалъ изрѣдка

¹⁾ Ханъ со всѣми туркменами-іомудами и съ тѣми изъ своихъ приближенныхъ, которые были сторонниками войны съ нами, вышелъ изъ города во время самаго дѣла 28-го мая; жители не пустили его обратно въ городъ и онъ удалился съ воинственною партіею своею къ іомудамъ, гдѣ и пробылъ по 1-е іюля.

безвредную стрѣльбу со стѣнъ и задѣлывалъ пробоины въ стѣнахъ и воротахъ.

Дѣло 28-го мая, стоившее, къ сожалѣнію многихъ жертвъ, хотя и искупленныхъ достигнутыми результатами, выказало доблестныя качества нашихъ войскъ и навело паническій ужасъ на непріятеля, по его собственному сознанію. Потери наши въ этотъ день составляютъ: два убитыхъ, и ранеными: начальникъ отряда ген. Веревкинъ, пять штабъ и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ 45; контужено: офицеровъ 4 и нижнихъ чиновъ 11.

Потери непріятеля, по слухамъ, весьма значительныя, съ точностью не могли быть приведены въ извѣстность. Во время дѣйствія подъ стѣнами города, туркменскія шайки, по обыкновенію, дѣлали попытки на обозъ, но были отражены безъ всякой для насъ потери. На другой день, 29-го мая, часть войскъ обоихъ отрядовъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, отправлена были мимо города навстрѣчу войскъ туркестанскаго отряда, такъ какъ передвиженіе всего отряда при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и съ значительнымъ числомъ раненыхъ, признано было генераломъ Веревкинымъ невозможнымъ.

Еще прежде ген. Веревкину было извѣстно, что въ городѣ происходитъ сильная борьба партій, что среди полного безначалія берутъ верхъ туркмены и другіе пришельцы, чуждые интересамъ города, и что, за отъѣздомъ хана съ ближайшими къ нему лицами, власть его дяди Сеидъ-Эмиръ-Ульумара, заступившаго его мѣсто, не представляетъ достаточной гарантіи въ исполненіи принятыхъ имъ условій. Въмѣстѣ съ тѣмъ, изъ авангарда получено было донесеніе, что непріятель готовится къ оборонѣ: задѣлываетъ пробоины въ стѣнахъ и воротахъ, выставляетъ подбитыя орудія и не прекращаетъ огня съ крѣпостной стѣны. Поэтому, получивъ извѣстіе, что ген. Кауфманъ съ соединенными войсками всѣхъ трехъ отрядовъ въ тотъ же день предполагалъ вступить въ городъ, и предвидя возможность возникновенія въ немъ при этомъ безпорядковъ, генераль Веревкинъ приказалъ овладѣть городскими стѣнами, въ случаѣ, если бы это оказалось нужнымъ, для того, чтобы имѣть достаточную гарантію къ безпрепятственному занятію города.

Утромъ, 29-го іюня, приступлено было къ возведенію брешъ-батареи на два орудія, въ 250 шагахъ отъ городской стѣны. Батарея окончена къ 10 часамъ утра, и вскорѣ изъ нея былъ открытъ огонь. Послѣ 24 выстрѣловъ, въ стѣнѣ и въ воротахъ удалось пробить отверстія, чрезъ которыя могли пролѣзть одиночные люди. Одновременно съ этимъ, двѣ роты, рассыпанныя

по сторонамъ орудій, и мортирная батарея не допускали непріятеля производить изъ-за зубцовъ фальконетную стрѣльбу. Увидя пробоины въ воротахъ, подполковникъ Скобелевъ двинулъ на штурмъ 8-ю роту самарскаго и 4-ю роту оренбургскаго линейнаго баталіоновъ, которыя, пробѣжавъ подъ огнемъ непріятеля 250 шаговъ, вмигъ овладѣли валомъ, взявъ съ бою три орудія. Подполковникъ Скобелевъ первый пролѣзъ чрезъ пробоину; за нимъ состоявшій при немъ въ качествѣ его помощника, поручикъ графъ Шуваловъ, а за нимъ капитанъ Асѣевъ. Лишь только войска ворвались чрезъ пробоину, непріятель далъ по нимъ залпъ съ кладбища и бросился съ криками на выстраивавшуюся пѣхоту. Напоръ непріятеля былъ необыкновенно силенъ, и большинство нашихъ людей переранено въ эту минуту. Между тѣмъ, послѣ чрезвычайныхъ усилій, удалось выломать ворота, и въ городъ введенъ былъ артиллерійскій взводъ, стрѣлковая рота 1-го линейнаго баталіона была направлена влѣво отъ воротъ на мазарки, 1-я же рота 2-го баталіона вправо отъ воротъ, гдѣ и было взято еще одно орудіе. Самарская же и 4-я рота 2-го баталіона, очистивъ впереди лежавшую мѣстность отъ непріятельскихъ стрѣлковъ, двинулись къ арыку, что позади городскихъ воротъ саженьяхъ въ 50-ти, куда вскорѣ прибылъ и артиллерійскій взводъ. Здѣсь произведено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ и пущены двѣ ракеты для очищенія улицъ отъ стрѣлявшихъ по войскамъ вооруженныхъ кучекъ. Въ это время получено было приказаніе генерала Кауфмана пріостановить военныя дѣйствія.

Потери наши въ этотъ день состояли: ранеными оберъ-офицеровъ 1 и 10 рядовыхъ; изъ нихъ три тяжело.

Чтобы объяснить, что именно побудило главнаго начальника экспедиціонныхъ силъ прекратить военныя дѣйствія противъ столицы ханства, мы должны обратиться къ тому, что происходило въ туркестанскомъ отрядѣ.

Расположившись на позиціи между Шейхъ-арыкомъ и Хазараспомъ, туркестанскій отрядъ простоялъ на ней 24-е, 25-е и 26-е мая. Въ эти дни сформированъ былъ арбяной обозъ слишкомъ въ 500 арбъ, а 27-го числа, утромъ, туркестанскія войска, въ составѣ 12-ти ротъ, 12 орудій и 3-хъ сотенъ, съ ракетнымъ дивизиономъ направились чрезъ Хазараспъ по дорогѣ къ Хивѣ.

Переходъ къ этому городу, въ 68 верстъ, отрядъ сдѣлалъ въ теченіи 27-го и 28-го чиселъ, и въ 8 часовъ утра, 29-го мая, остановился въ 2-хъ верстахъ отъ городской стѣны. Весь путь

туркестанскихъ войскъ до Хивы былъ очищенъ отъ непріятеля и отрядъ прослѣдовалъ это разстояніе безъ выстрѣла. Кишлаки и поселки, по выходѣ войскъ изъ района гор. Хазараспа, на разстояніи 40 верстъ до Хивы, были пусты и брошены жителями, которые всѣ, съ семьями и имуществомъ, были стянуты въ Хиву.

Наканунѣ выступленія войскъ изъ-подъ Хазараспа, 26-го мая, къ генералу Кауфману явился опять посланецъ съ письмомъ отъ хана, въ которомъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Ханъ, повторяя прежнія заявленія о своей дружбѣ и расположеніи, о томъ, что онъ уже исполнилъ всѣ требованія о высылкѣ бывшихъ въ плѣну въ Хивѣ русскихъ, и потому не понимаетъ, зачѣмъ русскіе вступили въ его владѣнія съ трехъ сторонъ, просилъ ген. Кауфмана остановить движеніе впередъ войскъ, отойти назадъ и выяснить свои требованія и условія мира.

Оставивъ это письмо безъ отвѣта, ген. Кауфманъ приказалъ посланцу ѣхать обратно въ Хиву и объявить хану на словахъ, что движенія войскъ онъ не остановитъ, а переговоры съ нимъ будутъ вести въ Хивѣ.

Одновременно съ прибытіемъ этого посланца ген. Кауфманъ получилъ донесеніе отъ ген. Веревкина, что, убѣдившись изъ достовѣрныхъ свѣдѣній о занятіи туркестанскими войсками Хазараспа, онъ измѣнилъ направленіе движенія вѣреннхъ ему войскъ оренбургскаго и мангышлакскаго отрядовъ, и вмѣсто Новаго-Ургенча двинулся отъ Мангыта чрезъ Китай, Гурленъ, каналъ Клычъ-псазъ-бай, Кятъ и Кошъ-Купыръ, къ Хивѣ.

На послѣднемъ ночлегѣ туркестанскаго отряда предъ Хивою, вечеромъ 28-го мая, къ ген. Кауфману въ лагерь у Анги-арыка явился новый посланный отъ хана, двоюродный братъ его, иначе Иртазали-ханъ. Онъ представилъ новое письмо отъ Сеидъ-Рахимъ-хана, гдѣ ханъ, объявляя себя сдающимся со всѣмъ ханствомъ Бѣлому Царю, уполномочивалъ родственника своего инака Иртазали выслушать отъ ген. Кауфмана всѣ условія мира и требованія, и представить по нимъ соотвѣтствующіе отвѣты.

На словахъ посланецъ передалъ просьбу хана приказать ген. Веревкину, подшедшему уже съ войсками къ Хивѣ и открывшему по городу канонаду, прекратить стрѣльбу, такъ какъ ханъ передаетъ себя, гор. Хиву и все ханство на милосердіе Государя Императора и проситъ милости и прощенія.

Объявивъ посланному, что заявленіе нашихъ требованій и условія мира онъ желаетъ лично передать хану, а потому и проситъ его, со свитою въ 100 человекъ, выѣхать къ нему навстрѣчу,

утромъ 29-го мая, когда туркестанскія войска будутъ подходить къ Хивѣ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ инаку Иртазали, для отправки въ оренбургскій отрядъ, предписаніе ген. Веревкину, гдѣ сообщалось ему о заявленіи хана и предлагалось ему прекратить пальбу по городу и не открывать огня, если по его отряду не будутъ стрѣлять изъ города. На подтвержденія командующаго войсками, что въ силу посылаемаго съ нимъ ген. Веревкину предписанія онъ прекратитъ пальбу, съ тѣмъ чтобы и изъ города не стрѣляли по нашимъ войскамъ, инакъ увѣрялъ, что ханъ рѣшительно прикажетъ своимъ войскамъ прекратить враждебныя противъ насъ дѣйствія; но что онъ не ручается и не увѣренъ, чтобы находящіеся въ полчищахъ хана туркмены-іомуды послушались, въ данномъ случаѣ, приказанія хана; что очень можетъ быть, что іомуды будутъ продолжать свои нападенія на отрядъ генераль-лейтенанта Веревкина и стрѣлять по нашимъ войскамъ изъ города. Предложивъ инаку убѣдить хана принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы этого не было и чтобы онъ заставилъ іомудовъ повиноваться, ген. Кауфманъ приказалъ посланцу ѣхать въ Хиву и передать сказанное хану.

На разсвѣтѣ, 29-го мая, туркестанскій отрядъ выступилъ съ бивака у Янги-арыка, и около 8-ми часовъ утра вошелъ въ районъ садовъ, непосредственно прилегающихъ къ стѣнѣ Хивы. Генераль Кауфманъ встрѣченъ былъ здѣсь выѣхавшими изъ города высшими сановниками ханства: Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, дядею хана (второе послѣ хана лицо), среднимъ братомъ хана, Ата-Джаномъ, инакомъ Иртазали (двоюродный братъ хана), пріѣзжавшимъ къ нему наканунѣ, и другими почетными лицами, со свитою. Они явились съ подарками и съ заявленіемъ, что такъ какъ ханъ, не выждавъ наканунѣ его отвѣта, выѣхалъ съ іомудами и съ нѣсколькими приближенными, въ томъ числѣ съ диванъ-беги Мать-Мурадомъ, изъ города въ сторону, откуда дѣйствовалъ отрядъ ген. Веревкина, и затѣмъ уже не возвращался въ него, то жители города, освободивъ бывшего арестованнымъ ханомъ въ теченіи семи мѣсяцовъ, средняго брата его Ата-Джана, провозгласили его ханомъ подъ регентствомъ дяди и тестя бывшего хана Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара. Это—слабый старикъ, за 70 уже лѣтъ; еще при отцѣ настоящаго хана и во все время правленія Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Хана, онъ былъ всегда представителемъ мирной партіи въ Хивѣ, настаивавшей у хана на необходимости жить въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ съ Россією; вслѣдствіе

358

этого онъ былъ постояннымъ врагомъ ближайшему совѣтнику и любимцу хана, диванъ-беги Мать-Мураду, который, напротивъ, всегда, и въ послѣднее время въ особенности, подстрекалъ хана на враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Поэтому, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара, особенно въ послѣднее время, былъ у хана въ большой немилости. Теперь этотъ старикъ, здоровье котораго разрушено опиумомъ и хашишемъ, лишенъ всякаго значенія, хотя и пользуется въ народѣ почетомъ и уваженіемъ и, главнымъ образомъ, за его мирное настроеніе по отношенію къ русскимъ.

Въ то время, какъ ген. Кауфманъ велъ переговоры съ выѣхавшею ему навстрѣчу депутаціею отъ города, состоявшею изъ поименованныхъ выше лицъ и присоединившагося еще къ нимъ диванъ-беги Мать-Ніяза, въ сторонѣ, гдѣ расположенъ былъ отрядъ ген. Веревкина, снова слышалась орудійная и оружейная перестрѣлка. Находя нужнымъ остановить военныя дѣйствія кавказскаго и оренбургскаго отрядовъ, такъ какъ хана съ Мать-Мурадомъ и іомудами, которые собственно и составляли воинственную партію въ городѣ, уже не было въ немъ, ген. Кауфманъ тотчасъ же послалъ ген. Веревкину приказаніе прекратить огонь, такъ какъ городъ, въ лицѣ явившихся его представителей и уполномоченныхъ, сдавался безусловно и отворялъ войскамъ ворота. Вскорѣ канонада прекратилась и ген. Кауфманъ отдалъ приказанія о вступленіи въ Хиву соединенныхъ войскъ отъ трехъ отрядовъ: оренбургскаго, кавказскаго (мангишлякскаго) и туркестанскаго. Въ исполненіе его предписанія, посланнаго наканунѣ, 28-го мая, съ бивака у Янги-Арыка, ген. Верекинъ для восстановленія связи между туркестанскими и подчиненными ему войсками, выслалъ къ мосту Сарра-Кутукъ на Палванъ-Арыкѣ двѣ роты, два конныя орудія и четыре сотни подъ начальствомъ полк. Саранчова; самъ же, вслѣдствіе своей раны, не могъ выѣхать къ ген. Кауфману навстрѣчу съ этимъ отрядомъ, и оставался у себя въ лагерѣ.

Въ 2 часа дня, 29-го мая, войска туркестанскія (7¹/₂ ротъ, 8 орудій, три сотни), оренбургскія (одна рота и двѣ сотни) и кавказскія (рота ширванскаго полка, сотня линейныхъ казаковъ и сотня конно-мусульманскаго иррегулярнаго полка), подъ общимъ начальствомъ начальника туркестанскаго отряда, генераль-майора Головачева, торжественно, подъ звуки музыки ширванскаго полка, вошли въ гор. Хиву.

Занявъ карауломъ дворецъ хана и поставивъ часовыхъ для охраны части невывезеннаго ханомъ имущества и гарема, въ

которомъ оставалось еще ханское семейство, генераль Кауфманъ пробылъ во дворцѣ около двухъ часовъ, принимая разные депутаціи отъ жителей города, торговцевъ, нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, и затѣмъ отправился съ своимъ конвоемъ чрезъ городъ въ противоположныя хазараспскимъ, сѣверныя, шахъ-абатскія ворота, которыя къ этому времени уже были заняты отрядомъ отъ кавказскихъ и оренбургскихъ войскъ. Чрезъ эти ворота генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ проѣхалъ въ лагерь соединенныхъ оренбургскаго и мангишлакскаго отрядовъ, гдѣ осмотрѣлъ войска и ихъ расположеніе и посѣтилъ раненыхъ и больныхъ. Войска подъ начальствомъ генераль-майора Головачева, вошедшія въ городъ, занимали его 30-го, 31-го мая и 1-го іюня, и утромъ 2-го іюня перешли въ свои лагери, оставивъ въ городѣ занятыми только хазараспскія, шахъ-абатскія и крѣпостныя ворота. 30-го мая, въ день годовщины рожденія императора Петра I-го, отслушавъ утромъ, въ войскахъ оренбургскаго и кавказскаго отрядовъ, молебствіе за здравіе Государя Императора и панихиду за упокой Петра I-го и сподвижниковъ, убитыхъ въ войнѣ съ Хивою, командующій войсками отправился по дорогѣ вдоль Полванъ-арыка, внѣ городской стѣны, и выбралъ вблизи хазараспской дороги мѣсто подъ лагерь туркестанскихъ войскъ Оренбургскій отрядъ оставленъ былъ въ прежнемъ своемъ расположеніи на шахъ-абатской дорогѣ, а кавказскія войска переведены въ центральное расположеніе между туркестанскимъ и оренбургскимъ отрядами, на дорогѣ изъ Хивы въ Новый Ургенчъ.

Общее смятеніе, неурядицы и безпорядокъ въ ханствѣ и въ Хивѣ, вызванныя и произведенныя военными дѣйствіями, начали понемногу улегаться. Жители города и окрестностей стали возвращаться въ свои дома, собирать свое имущество и приступали къ работамъ. Базаръ, лавки и торговля въ городѣ были открыты въ первый же день занятія города войсками. Приказомъ отъ 2-го іюня, генераль Кауфманъ запретилъ войскамъ всякія фуражировки; все необходимое для нихъ пріобрѣтается отъ жителей и на городскомъ базарѣ за деньги. Депутаціямъ, являвшимся къ нему непрерывно изъ разныхъ мѣстъ и городовъ ханства, генераль Кауфманъ объявлялъ, чтобы населеніе жило мирно, спокойно; чтобы жители возвращались къ своимъ жилищамъ, иму-

352

ществу, къ полямъ и спокойно занимались дѣломъ. Именемъ Государя Императора, генераль Кауфманъ объявилъ также всему населенію ханства милосердіе Его Императорскаго Величества, съ непремѣннымъ условіемъ мирной жизни и занятія дѣломъ и полевыми работами.

О ханѣ, между тѣмъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ онъ находится и куда скрылся, сначала не было никакихъ. Извѣстно было только, что онъ находится у іомудовъ, которые, будто бы, собираются въ значительномъ числѣ около Казавата и Татауса, чтобы подъ начальствомъ хана продолжать, во что бы то ни стало, борьбу съ нами. Не довѣряя вполне этимъ слухамъ, генераль Кауфманъ рѣшился самъ написать хану письмо, въ которомъ совѣтовалъ хану явиться къ нему. Письмо это было послано утромъ 1-го іюня, а 2-го числа, вечеромъ, ханъ, не заѣзжая въ Хиву, прямо прибылъ въ лагерь туркестанскаго отряда и тотчасъ же представился командующему войсками.

Генераль Кауфманъ принялъ хана съ подобающимъ его сану почетомъ, и допустилъ его къ управленію страной. Изъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на веденіе дѣлъ въ ханствѣ, генераль Кауфманъ назначилъ въ совѣтъ управленія диванъ-беги Мать-Ніазъ, который одинъ изъ всѣхъ бывшихъ ближайшихъ совѣтниковъ хана обратилъ на себя вниманіе умомъ, пониманіемъ и вѣрною оцѣнкою совершившихся событій; Мать-Ніазъ и въ населеніи пользуется почетомъ и уваженіемъ. Онъ представился генералу Кауфману еще до вступленія войскъ въ Хиву и до возвращенія хана; все трудное, смутное время, когда жители города были въ сильно напряженномъ состояніи, и не могли еще опомниться отъ постигшей ихъ катастрофы, Мать-Ніазъ былъ единственный разумный человѣкъ изъ всѣхъ приближенныхъ хана, съ которымъ можно было имѣть дѣло и который помогъ до нѣкоторой степени успокоить населеніе.

Войска трехъ отрядовъ: туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго, расположены были, какъ выше сказано, тремя лагерьми съ сѣверной и восточной стороны Хивы, внѣ городской стѣны, въ садахъ, на трехъ смежныхъ дорогахъ: туркестанскій — на хазаръ-аспской и ханкинской, кавказскій — на новоругенчской, и оренбургскій — на шахъ-абатской или казаватской дорогѣ.

Общій видъ войскъ, ихъ настроеніе, санитарная часть — не оставляли желать ничего лучшаго. Больныхъ во всѣхъ трехъ отрядахъ было очень немного; войска были веселы и бодры,

какъ будто и не дѣлали по тысячѣ слишкомъ верстъ неимоვნю труднаго, до сихъ поръ небывалаго въ Средней Азіи похода.

Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ вопросовъ, представившихся для разрѣшенія по вступленіи русскихъ войскъ въ территорію хивинскаго ханства, былъ вопросъ о рабствѣ, такъ какъ, съ одной стороны, полагалось, что наше достоинство не допускало невольничества и торга людьми въ странѣ, занятой нашими войсками; съ другой стороны, не только сами рабы-иранцы ждали отъ русскихъ себѣ свободы и возвращенія на родину, но повсемѣстно, въ средней Азіи, было убѣжденіе, что если русскіе явятся въ Хиву, то рабство должно прекратиться.

Поэтому, когда ханъ былъ возстановленъ въ своемъ званіи, признано было необходимымъ немедленно обсудить этотъ вопросъ, чтобы онъ могъ быть окончательно разрѣшенъ до оставленія Хивы главнымъ начальникомъ экспедиціонныхъ войскъ. Рѣшеніе этого вопроса становилось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что рабы, бѣжавшіе уже отъ своихъ хозяевъ, — а такихъ было очень много, начинали производить грабежи и разбои, а сами хозяева, боясь лишиться своихъ рабовъ, хотѣли привести ихъ къ повиновенію самими жестокими мѣрами наказанія.

11-го іюня, генераль Кауфманъ, пригласивъ къ себѣ хана, подробно разъяснилъ ему необходимость освобожденія невольниковъ въ его владѣніяхъ. Ханъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился съ доводами командующаго войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ускорить это дѣло, чтобы покончить съ нимъ, пока войска наши будутъ оставаться въ предѣлахъ ханства. На слѣдующій день, въ присутствіи хана, состоялось постановленіе совѣта управленія, утвержденное генераломъ Кауфманомъ, въ силу котораго провозглашено было безусловное освобожденіе рабовъ и установленъ порядокъ отправленія ихъ на родину.

Такъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ полуторавѣковыя усилія Россіи обезпечить спокойствіе нашей степи до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ. Трудно, конечно, сказать, чтобы паденіе Хивы принесло намъ какія-либо особыя прямыя матеріальныя выгоды: освобожденіе нашихъ плѣнныхъ и уничтоженіе рабства, и то нравственное вліяніе, какое произведено паденіемъ Хивы во всемъ

населеніи Средней Азіи—вотъ, пока несомнѣнные и осязательные факты, которые безъ сомнѣнія повлекутъ за собой въ будущемъ обширныя послѣдствія, и мы будемъ современемъ вознаграждены за пожертвованія, неизбѣжныя въ предпріятіяхъ такого рода ¹⁾).

Ф. Лобысевичъ.

Оренбургъ.

¹⁾ Расходы по снабженію собственно оренбургскаго экспедиціоннаго отряда продовольствіемъ и перевозочными средствами, со дня командированія до возвращенія на Оренбургскую линію, исчисляются въ 1.423.735 руб. (Въ эту же сумму входятъ расходы на заготовленіе въ Иргизѣ и отправленіе на Ургу мѣсячнаго запаса продовольственныхъ припасовъ и фуража для войскъ мангышлакскаго отряда). Главныя расходы были произведены за перевозку путевого довольствія и другихъ тяжестей, перевозку нижнихъ чиновъ и содержаніе при отрядѣ верблюдовъ—858,478 руб. Продовольственныхъ припасовъ было заготовлено на весь отрядъ со дня выхода съ линіи и до возвращенія всего:

Муки . . .	525 четвертей	по 7 руб. 84 коп.	
Сухарей . .	6928	"	отъ 7 " 17 " до 9 р. 84 к.
Крупъ . . .	1291	"	" 9 " 20 " " 11 " 65 "
Овса. . .	24,925	"	" 3 " 72 " " 5 " 45 "

Весь расходъ на заготовленіе всего этого составлялъ . . . 181,003 р. 59 к.

На приварочное довольствіе, по 6³/₄ к. въ день на человѣка, на все число людей по 1-е октября отпущено . . . 51,698 " 11 "

На довольствіе винными порціями, чаемъ, капустой и за перевозку консервовъ отпущено всего, тоже по 1-е октября . . . 15,461 " 81 "

На довольствіе лошадей сѣномъ въ мѣстностяхъ, гдѣ таковое окажется возможнымъ приобрѣсти покупкою, было отпущено примерно . . . 41,322 " — "

На денежныя и натуральныя раціоны офицерамъ . . . 31,250 " — "

На экстраординарныя расходы отпущено начальнику отряда . . . 25,000 " — "

Перевозочныя средства всего этого составляли верблюды, которыхъ всего находилось въ движеніи до 10 т. штукъ.